

Упадокъ народнаго хозяйства въ киргизскихъ степяхъ.

I.

Границы Россіи къ XX столѣтію раздвинулись настолько, что поглотили всѣ степи, въ теченіе послѣднихъ столѣтій занятія киргизской ордою; охваченная со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями, она давно утратила свой пограничный характеръ и получила исключительно внутреннее значеніе для имперіи; послѣднее постепенно растетъ и, близко соприкасаясь, благодаря многимъ причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, съ запросами народной жизни коренной Россіи, вызываетъ къ себѣ большой интересъ какъ правительства, такъ и общества.

Это видно, съ одной стороны, изъ законодательныхъ работъ, удѣляющихъ много вниманія разнымъ сторонамъ киргизской жизни, съ другой — изъ литературныхъ трудовъ, которые постепенно бросаютъ свѣтъ на киргизскій вопросъ. За послѣднее время, историческія и этнографическія изслѣдованія стали уступать мѣсто экономическимъ и юридическимъ, а начатые опыты статистическихъ изслѣдованій киргизскаго хозяйства въ Тургайской, Уральской и Акмолинской областяхъ ¹⁾, дали очень цѣнный матеріалъ, для болѣе правильнаго сужденія о положеніи и потребностяхъ населенія киргизскихъ степей.

Существуетъ много причинъ, все болѣе выдвигающихъ киргизскій вопросъ, но мы коснемся главнѣйшихъ, которыя достаточно рельефно это подтверждаютъ. Не говоря уже о пространствѣ, которое занимаютъ киргизскія степи, въ 1.659,202 кв. верстъ ²⁾, исключая степной площади Туркестанскаго края и Семирѣченской области (934 т. кв. вер.), съ населеніемъ въ 4 слишкомъ милліона (Энцикл. сл. Брокг. и Ефр. «Киргизы», т. XV, стр. 104), киргизская степь, обнимающая въ широкомъ смыслѣ всѣ

¹⁾ „Матеріалы по киргизскому землепользованію, собранные и разработанные экспедиціей по изслѣдованію степныхъ областей“, Акмолинская область, I-й Кокчетавскій уѣздъ. Т. I-й. Воронежъ, 1898 г.

²⁾ С.-Петербург. Вѣдом.: „Преобр. въ киргизскихъ степяхъ“. № 261, 1899 г.

четыре орды: Внутреннюю, Малую, Среднюю, Большую и Дикокаменную, разбитая по губерніямъ—Астраханской, Оренбургской, областямъ—Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской, частью Самаркандской и Закаспійской, занимаетъ такую огромную часть Россіи, что несомнѣнно «втягивается, послѣднее время, въ общій интересъ экономической жизни Россіи» ³⁾).

Совершенно однородное по этнографическому составу и социальнымъ отношеніямъ, киргизское населеніе этихъ областей представляетъ собою то замѣчательное, въ настоящее время, явленіе, что на нашихъ глазахъ происходитъ процессъ перехода отъ кочевого быта къ осѣдлому и соединеніе скотоводческаго промысла съ земледѣльческимъ: не только въ Уральской области, но и въ Сыръ-Дарьинской киргизъ давно уже пересталъ быть кочующимъ, «кочевка становится уже въ зависимость отъ распашекъ и утрачиваетъ свой первобытный характеръ, составляя простое приспособленіе къ двойному скотоводческому и земледѣльческому промыслу» ⁴⁾), съ присоединеніемъ къ послѣднему еще и рыболовства, среди киргизъ, живущихъ около Аральскаго моря, Балхаша и другихъ внутреннихъ озеръ, а также на рѣкахъ Сыръ-Дарьѣ, Чу и др. На-ряду съ этимъ развивается и торговля въ степяхъ, постепенно утрачивающая свой мѣновой характеръ и приобретающая всѣ свойства чисто коммерческихъ оборотовъ; денежные знаки въ степи получаютъ первенствующее значеніе, вслѣдствіе развитія потребностей киргиза и приближенія рынка вглубь степей. Русская колонизація, съ открытіемъ для нея путей, благодаря развитію желѣзнодорожной сѣти, все болѣе обращаетъ свои взоры на дѣвственную еще почву степей, расползаясь по ней, несмотря на крайне тяжелыя условія существованія для переселенцевъ. Не говоря уже о поселеніяхъ въ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, они получили широкое развитіе въ Семирѣченской и въ Сыръ-Дарьинской областяхъ. Стихійная сила, вызвавшая движеніе переселенцевъ, особенно выразилась въ созданіи степныхъ поселковъ; изъ нихъ выдѣляется огромное поселеніе на урочищѣ Кустанай, составляющее теперь одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ городовъ въ киргизской степи; появившееся въ 1870 году, благодаря усиленному движенію переселенцевъ, осѣвшихъ путемъ соглашенія съ киргизскимъ населеніемъ, оно быстро развилось и, въ 1893 году преобразованное въ уѣздный городъ Тургайской области, насчитываетъ уже до 15 т. населенія ⁵⁾). Относительно роли поселеній въ степи и ихъ вліянія на туземное населеніе преждевременно еще высказывать опредѣленное сужденіе, такъ какъ эта колонизація едва насчитываетъ четверть столѣтія и не могла еще дать замѣтныхъ результатовъ, главнымъ образомъ, благодаря некультурности самого переселенческаго элемента. Съ нимъ теперь нельзя

³⁾ См. прим. 2.

⁴⁾ См. прим. 3.

⁵⁾ Крафтъ: „Сборникъ узаконеній о киргизахъ степныхъ областей“. Оренбургъ, 1898 г., стр. 250.

не считаться, такъ какъ это движеніе растетъ и уже намѣтило себѣ излюбленные пути: изъ Самарской, Астраханской и Оренбургской губерній, въ Уральскую, Тургайскую и далѣе въ Сыръ-Дарьинскую область и изъ тѣхъ же губерній, съ присоединеніемъ особенно Воронежской, черезъ Сибирь, въ Акмолинскую и Семирѣченскую области. Это явленіе еще болѣе сближаетъ киргизскую степь съ народной жизнью Европейской Россіи, привлекая къ нему общественный интересъ. Пока поселенія принесли уже ту пользу, что вызвали потребность въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, которыя привели къ тому выводу, что киргизу для поддержанія своего хозяйства надо имѣть площадь, обеспечивающую ему возможность прокармливать 24 головы скота, считая по 6 десятинъ пастбищъ на каждую голову; всего же для обезпеченія существованія средней киргизской семьи необходимо 144 десятины, — обладаніе меньшей площадью грозитъ ей уже паденіемъ благосостоянія ⁶⁾. Хотя эти выводы далеко нельзя признать окончательными, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія въ степяхъ пригодныхъ для хозяйства земельныхъ угодій.

Кромѣ того, за послѣднее время возникло предпріятіе, которое должно еще болѣе привлечь всеобщее вниманіе къ киргизскому вопросу; оно возбуждено было уже давно, но осуществляется недавно; это — постройка желѣзной дороги изъ Оренбурга въ Ташкентъ; въ теченіе прошлаго года были уже двинуты двѣ развѣдочныя партіи для изслѣдованія путей, изъ Оренбурга и изъ Ташкента, а въ настоящее время уже приступлено къ ея сооруженію. Потребность въ этой дорогѣ, какъ съ точки зрѣнія коммерческо-экономической, такъ и военно-политической, давно уже назрѣла. Бывшій долго спорнымъ вопросъ о направленіи ея отъ Уральска на Кунградъ, къ Хивѣ, на Чарджуй, черезъ такую пустыню, какъ Усть-Уртское плоскогорье, совершенно лишенное орошенія, съ необходимостью строить второй мостъ черезъ Волгу и новый черезъ Уралъ, съ проведеніемъ пути по берегу Аму-Дарьи, за исключеніемъ Хивинскаго оазиса, очень мало населенномъ, теперь уже разрѣшенъ въ пользу перваго направленія. Дорога Уральскъ—Чарджуй пошла бы въ прямой ущербъ интересамъ внутренняго и средне-азіатскаго рынковъ, центромъ котораго всегда будетъ Ташкентъ. Этотъ городъ, благодаря своему административному значенію и проведенію средне-азіатской желѣзной дороги, естественными продолженіями которой должны быть пути на Оренбургъ и Вѣрный, не можетъ уступить свою роль Чарджую, небольшому городу въ Бухарскихъ владѣніяхъ, не имѣющему, по климатическимъ и экономическимъ причинамъ, никакого будущаго. Во всякомъ случаѣ рано или поздно пришлось бы проводить дорогу изъ Оренбурга въ Ташкентъ, такъ какъ соединеніе московскаго промышленнаго района съ центромъ хлопковаго производства въ Ферганѣ и хлѣбнымъ рынкомъ въ Семирѣчьи представляется весьма важнымъ для торговли Европейской Россіи съ Туркестаномъ. Всесторонне вопросъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ

⁶⁾ См. прим. 1.

запискѣ о средне-азіатской желѣзной дорогѣ оренбургскаго городского головы г. Юдина, вышедшей въ 1896 г.; въ ней указаны всѣ преимущества пути Оренбургъ—Ташкентъ какъ по его значенію, такъ и по стоимости. Весьма интересно онъ же былъ въ свое время разобранъ въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* ⁷⁾, вслѣдствіе возникшаго предположенія обойти всю бывшую Сыръ-Дарьинскую линію, т.-е. города Чимкентъ, Туркестанъ, Перовскъ и Казалинскъ, ведя дорогу на м. Телекуль, въ степи, откуда и должна выходить линія на Вѣрное, минуя Чимкентъ и Аулиеата. Такъ какъ опасенія автора, повидимому, не совсѣмъ еще разсѣялись, то не лишентъ интереса его взглядъ на эту сторону вопроса.

«Возникло предположеніе, говоритъ онъ въ *Туркестанскихъ Вѣдом.*, оставить далеко въ сторонѣ отъ желѣзной дороги всю долину Сыръ-Дарьи, отъ ея устья до самаго гор. Туркестана. Напротивъ между Туркестаномъ и Ташкентомъ, гдѣ осѣдлое населеніе покидаетъ долину рѣки и тѣснится вдоль почтоваго тракта, желѣзная дорога предположена вдоль ея берега, т.-е. опять-таки какъ можно дальше отъ населенія. Мало того, узелъ будущей вѣтви на Вѣрный предположенъ у Телекуля, т.-е. напередъ предрѣшается ея направленіе не по кратчайшему разстоянію на Ташкентъ, по населеннымъ и жизнеспособнымъ долинамъ Арыса и Таласа, а въ обходъ Каратаусскаго хребта съ сѣвера, по голой безлюдной пустынѣ». «Весьма вѣроятно, что и здѣсь играли не малую роль техническія соображенія, навѣрное опасенія передъ разливами Сыръ-Дарьи, неудобными для грунтовой дороги, но едва ли опасными для желѣзной. Безспорно, гораздо проще, не теряя времени на изученіе режима рѣки, бросить ее совсѣмъ въ сторонѣ и вести дорогу по безобидной для техническихъ сооруженій степи. Но вода — жизнь Средней Азіи и пренебрегать ею нельзя». Между тѣмъ почти все осѣдлое и осѣдающее киргизское населеніе размѣстилось по оренбургско-ташкентскому и чимкентско-вѣрненскому тракту и «только при выборѣ этихъ направленій огромныя затраты на сооруженіе средне-азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, найдутъ себѣ оправданіе въ пышномъ расцвѣтѣ областей Средней Азіи». А если мы обратимся къ цифрамъ, то увидимъ, что экономія получается настолько незначительная, что благодаря ей нѣтъ смысла обходить цѣлый обширный районъ. Если будетъ обойдена вся сыръ-дарьинская линія и Аулиеата, то придется оставить почтовый трактъ, соединяющій Ташкентъ съ Казалинскомъ и Аулиеатами, что обходится казнѣ ежегодно въ 500 тыс. руб.; капитализируя эту сумму, получимъ 12½ милл. руб.; удлиненіе вѣрненской вѣтви, съ обходомъ Чимкента на 95 вер., удорожаетъ путь на 4½ милл. руб. Такимъ образомъ, весь убытокъ опредѣляется въ 17 милл. руб., а проектируемая стоимость дороги 78 милл. руб., ерго за 95 милл. руб. можно имѣть прекрасный путь, который, по словамъ *Туркест. Вѣд.*, не обойдетъ города, не погубитъ мѣстныхъ богатствъ и будетъ имѣть попутно грузы, которые вполнѣ

⁷⁾ № 92, 1899 г. и 15, 1900 г.

окупать сдѣланныя затраты, даже при необходимости считаться съ разливами Сыръ-Дарьи, разумѣется, на нѣсколько верстъ, а не на цѣлые десятки или даже сотни верстъ. На самомъ дѣлѣ, что же будетъ возить новая желѣзная дорога по пути, если она пойдетъ по безлюднымъ степямъ, гдѣ даже не всегда находятся киргизскія кочевья, почти на границахъ съ голодной зачуйской степью, подъ названіемъ Бегпакъ-Дала, перерѣзывая усыхающую Телекульскую низменность и оставляя въ сторонѣ долины Сыра, Арыса, Таласа, бассейнъ Аральскаго моря, гдѣ только еще развиваются рыболовство и земледѣліе, нуждающіяся въ хорошихъ путяхъ сообщенія. Недостаточно имѣть грузы въ однихъ конечныхъ пунктахъ желѣзной дороги, необходимо и по пути нагружать и распредѣлять товары вдоль всей линіи. Соблюдая экономію въ нѣсколько милліоновъ, можно нанести ущербъ цѣлому району и убытокъ населенію въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, который трудно будетъ исправить. Для занимающаго насъ вопроса это имѣетъ огромное значеніе, потому что желѣзная дорога, пройдя отъ Оренбурга на Ташкентъ съ вѣтвью на Вѣрный, прорѣжетъ всю киргизскую степь и вызоветъ къ жизни наиболѣе заселенныя мѣста, въ особенности, если она, начинаясь отъ Илецкой защиты, черезъ Актюбинскъ, прорѣжетъ всѣ лучшія кочевья М. Орды и соединитъ скотоводческіе районы Илека, Ори, Сыръ-Дарьи, Арыса и Таласа, откуда продукты скотоводства могутъ имѣть сбытъ въ центральную Россію. Желѣзная дорога, обезпеченная товаромъ изъ Европейской Россіи въ Среднюю Азію и обратно, по пути принимала бы и грузила мѣстные продукты, давая значительный заработокъ мѣстному населенію. Благосостояніе киргизъ съ паденіемъ верблюжьяго, караваннаго промысла сильно пошатнулось; того, что они добываютъ путемъ своего хозяйства, нехватаетъ для прокормленія семьи, какъ это мы увидимъ, приведя соображенія г. Васильева относительно 70-хъ годовъ, когда скотоводство было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь. Въ настоящее время, Киргизская степь только сѣверной своей границей касается сибирской желѣзной дороги, остальные же части степи совершенно лишены другихъ путей сообщенія, кромѣ нѣсколькихъ почтовыхъ трактовъ и караванныхъ дорогъ. Эта оторванность степей отъ культурной Россіи не мало препятствуетъ не только ихъ заселенію, но и развитію киргизъ, отдаляя ихъ не только отъ благъ цивилизаціи, но и лишая самой насущной потребности, именно ввоза дешеваго хлѣба, потому что своего для степей нехватаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она не даетъ возможности выгодно сбывать произведенія скотоводства.

По этой же причинѣ въ торговомъ отношеніи киргизы лишены удобства приобрѣтать хорошаго качества товаръ, находясь въ рукахъ скупщиковъ сырья, посредниковъ между ними и торговыми центрами. Рисуя картину такой торговли, г. Гейеръ совершенно вѣрно говоритъ ⁸⁾: «что русскому человѣку, взявшему на себя отвѣтственность за историческія судьбы киргиз-

⁸⁾ И. Гейеръ: „Туркестанскія скитанія“. Ташкентъ, 1899 г.

скаго народа, стоить задуматься надъ событіями, совершающимися въ данное время въ степи». На ряду съ подобнаго рода торговлей, отдающей всю степь въ руки татаръ и сартовъ, идетъ пропаганда мусульманства, которая систематически фанатизируетъ киргизское населеніе, отдаляя его отъ цивилизаціи; мы имѣли уже случай говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ ⁹⁾: «въ то время, какъ русскіе поселенцы и уральцы, сталкиваясь съ киргизами, имѣютъ дѣло только съ матеріальной стороной ихъ быта, другія двѣ группы, татары и сарты, опутывая киргизовъ сѣтью векселей и договоровъ, вторгаются въ его духовный міръ, приобщаютъ его все болѣе и болѣе къ исламу».

Только постройка желѣзной дороги,—этого лучшаго проводника цивилизаціи,—можетъ приблизить рынокъ нашей промышленности къ производителямъ сырья въ степи; борьба съ тѣми порядками, которые теперь установились въ степяхъ, лишенныхъ возможности выгоднаго обмѣна произведеній, должна быть одной изъ задачъ правительства. Тамъ, гдѣ киргизы стоятъ близко къ культурнымъ мѣстамъ, на примѣръ, въ Оренбургскомъ краѣ, мы имѣемъ передъ собою уже попытки съ ихъ стороны воспользоваться результатами нашей матеріальной культуры, которыя выражаются, между прочимъ, въ развитіи сѣнокошенія; для этой цѣли учреждаются общественные сѣнные запасы и стали приобрѣтаться сѣнокосильныя машины, получившія уже распространеніе среди киргизъ Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ. Это обстоятельство служитъ лучшимъ показателемъ того, что киргизъ способенъ къ усвоенію полезныхъ приобрѣтеній, когда есть къ тому возможность; сѣнокосильныя машины составляютъ уже вторичную его стадію, такъ какъ киргизы, столкнувшись съ переселенцами въ Туркестанскомъ краѣ, почти на нашихъ глазахъ, перешли отъ примитивнаго серпа къ косѣ, знакомство съ которой очень способствовало развитію сѣнокошенія и заготовленію сѣнныхъ запасовъ; въ Тургайской же области киргизы, сознавъ уже пользу сѣнокосилокъ, приобрѣтаютъ ихъ сами или же нанимаютъ у русскихъ. Въ 1897 году пишущій эти строки самъ былъ очевидцемъ ходатайства цѣлаго киргизскаго аула передъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургѣ о разрѣшеніи ссуды на приобрѣтеніе сѣнокосилки, такъ какъ наемъ у поселенцевъ обходится слишкомъ дорого. Несомнѣнно, что для подобнаго рода явленій желѣзная дорога имѣетъ огромное значеніе, какъ средство для удешевленія товаровъ и сельско-хозяйственныхъ орудій.

Способность киргизъ къ принятію и усвоенію результатовъ болѣе высокой культуры постепенно развивается, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ весьма охотно учатся и становятся въ ряды образованныхъ классовъ. Если сравнить съ киргизами вытѣсненный ими изъ степей башкирскій народъ,

⁹⁾ И. Амичковъ: „Очеркъ народной жизни сѣвернаго Туркестана“. Ташкентъ, 1899 г. (стр. 85). Его же: „Присяга киргизъ передъ русскимъ судомъ“ (Журн. Мин. Юст. 1898 г., № 11).

то мы увидимъ ту разницу, которая отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга; между тѣмъ какъ неспособность къ культурѣ и косность послѣдняго заставляютъ насъ опускать руки и безнадежно взирать на будущія судьбы этого несчастнаго народа, окруженнаго самой богатой природой, мы съ полнымъ упованіемъ на будущее можемъ ожидать отъ киргизскаго народа движенія впередъ и культурнаго развитія, несмотря на ту убогую природу, которою его надѣлила судьба.

Въ этомъ отношеніи самымъ лучшимъ доказательствомъ способности киргизъ къ развитію можетъ служить состояніе народного образованія въ Тургайской области, какъ въ массахъ, такъ и среди отдѣльныхъ лицъ, дѣлающее между ними гораздо большіе успѣхи, чѣмъ между другими мусульманскими народами. Для подтвержденія нашей мысли обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣемъ по Тургайской области, гдѣ, главнымъ образомъ, благодаря, во-первыхъ, близости къ Европейской Россіи и, во-вторыхъ, особымъ заслугамъ мѣстныхъ дѣятелей, народное образованіе сдѣлало большіе успѣхи¹⁰⁾. Общее число школъ съ 2-хъ въ 1878 году поднялось до 59 въ 1895 году (стр. 218), а съ 1892 года область покрылась сѣтью аульныхъ школъ для первоначальнаго обученія грамоты киргизскихъ дѣтей, такъ что къ 1 января 1896 года ихъ было уже 35, съ 542 учащимися (стр. 158); слѣдуетъ къ этому еще прибавить 7 волостныхъ школъ, 5 русско-туземныхъ, 5 русско-киргизскихъ женскихъ училищъ, киргизскую учительскую семинарію, о которой авторъ (стр. 204) говоритъ, что оренбургская киргизская учительская школа, «являясь единственнымъ педагогическимъ учебнымъ заведеніемъ для обширнаго степного края, по настоящему числу своихъ питомцевъ не въ состояніи удовлетворить потребности даже одной Тургайской области. Такое поразительное несоотвѣтствіе числа учащихся въ школахъ съ дѣйствительной потребностью въ учителяхъ-киргизахъ ставитъ на очередь вопросъ о неотложности расширенія этой школы до размѣровъ другихъ учительскихъ инородческихъ семинарій». Если къ этимъ проводникамъ знанія для потребностей первоначальнаго образованія присоединить еще стипендіи для киргизъ Тургайской области въ высшихъ, среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя достигаютъ въ с.-петербургскомъ и казанскомъ университетахъ—6, въ московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ—2, въ казанскомъ ветеринарномъ институтѣ—1, оренбургской мужской гимназіи—12, троицкой—6, въ казанской учительской инородческой семинаріи—2, красноуфимскомъ промышленномъ училищѣ и сельско-хозяйственной башкирской школѣ—5, то мы будемъ имѣть полную картину развитія учебнаго дѣла въ Тургайской области; оно не могло бы развиваться безъ сочувствія просвѣщенныхъ лицъ изъ самого народа. Для содѣйствія образованію имѣются два общества распространенія народного образованія въ Кустанайскомъ и Актюбинскомъ уѣздахъ, существующія съ 1896 года. По-

¹⁰⁾ А. Васильевъ: „Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе“. Изд. тург. обл. ст. ком. Оренбургъ, 1896 г.

слѣдствіемъ всего этого является значительное распространеніе русскаго языка, грамотности и образованія между киргизами Тургайской области и наполненіе ими среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, благодаря чему въ Оренбургской степи мы встрѣчаемся уже съ интеллигенціей изъ киргизовъ.

II.

Въ Астраханской губерніи и Тургайской области культурное движеніе между киргизами получило наибольшее развитіе, такъ какъ помимо близости въ географическомъ отношеніи къ Европейской Россіи, тамъ все болѣе укрѣпляется экономическая и коммерческая связь между внутренними губерніями и Киргизской степью, особенно около Оренбурга, гдѣ, какъ извѣстно, находится управленіе Тургайскою областью и откуда въ XVIII столѣтіи началось вліяніе Россіи на степь; но и въ той части степи, къ которой примыкаетъ сибирская желѣзная дорога, жизнь все болѣе входитъ въ водоворотъ нашихъ экономическихъ отношеній. Не говоря уже объ обмѣнѣ продуктами степного хозяйства, мы видимъ, что степи постепенно утилизируются для избытка населенія внутреннихъ губерній, откуда колонизація сильными потоками пробирается въ степи, занимая по большей части *въ ущербъ* туземному населенію самыя удобныя мѣста. Независимо отъ этого, киргизы, какъ производители сырья и потребители мануфактурныхъ произведеній нашихъ фабрикъ, въ особенности московскаго промышленнаго района, все болѣе приближаютъ свои интересы къ торговымъ оборотамъ нашихъ промышленныхъ центровъ. Главные предметы обмѣна со степью, это—скоть, шерсть и шкуры сдѣлались, благодаря окончательному замиренію степей послѣ завоеванія Бокандскаго Ханства и покоренія Хивы, а также усовершенствованію путей сообщенія, гораздо доступнѣе и дешевле; съ развитіемъ же сѣти желѣзныхъ дорогъ, надо думать, что скоть, какъ предметъ мясной торговли, получить сбытъ на рынкахъ Европейской Россіи, куда онъ можетъ доставляться подобно черкасскому скоту, вліяя на пониженіе мясныхъ цѣнъ. Развитіе же табуннаго коневодства въ степяхъ должно служить источникомъ для сбыта лошадей въ центральныя губерніи, не въ видѣ только случайныхъ закупокъ, какъ въ голодающія губерніи въ 1899 г., а въ видѣ постоянного предмета торговли со степью.

Все это, безспорно доказывая ту связь, которая устанавливается на рынкѣ между центральными губерніями и киргизскими степями, подтверждаетъ всю важность для Европейской Россіи поддержанія скотоводства въ степяхъ и невыгодность его упадка, какъ это происходитъ теперь.

Развитіе торговыхъ оборотовъ и распространеніе образованія въ степяхъ, а также переходъ отъ первобытнаго номаднаго хозяйства къ болѣе усовершенствованному земледѣльческо-скотоводческому разовьютъ потребности въ киргизѣ, вслѣдствіе чего весь нашъ промышленный районъ найдетъ обильный сбытъ для своихъ произведеній въ обмѣнѣ на продукты улучшен-

наго степного хозяйства. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками цыфровыхъ данныхъ, которыя могли бы краснорѣчиво подтвердить эту мысль, но не подлежитъ сомнѣнію, что торговые обороты степей съ внутренними губерніями сильно развиваются, несмотря на неблагопріятныя условія. Киргизъ съ его стадами и табунами давно уже сдѣлался объектомъ дѣятельности промышленниковъ, особенно татаръ въ сѣверной части степей и сартовъ въ южной части, какъ посредниковъ между производителями сырья и представителями обрабатывающей промышленности.

Слѣдовательно, Киргизская степь, войдя постепенно въ сферу экономическихъ отношеній всей Россіи, не можетъ въ настоящее время разсматриваться независимо отъ интересовъ всего нашего отечества; если было время, что степь, благодаря отсутствію путей сообщенія и безопасности, жила почти самостоятельной жизнью, то теперь она въ нашемъ народномъ хозяйствѣ играетъ такую роль, которая имѣетъ всѣ данныя къ развитію и въ своемъ поступательномъ движеніи измѣняетъ сложившіяся вѣками условія жизни народа, сближая его съ кореннымъ населеніемъ Европейской Россіи.

III.

Такого рода сближеніе съ интересами внутренней Россіи, скажемъ метрополіи, видоизмѣняя и усложняя жизнь въ Киргизской степи, требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ большаго вниманія со стороны законодательства, по отношенію къ народной массѣ, которая до сихъ поръ еще живетъ подъ сильнымъ вліяніемъ родовыхъ понятій; хотя они въ сильной степени поддерживаютъ косность и консерватизмъ въ нравахъ, взглядахъ и обычаяхъ, но до извѣстной степени облегчаютъ распространеніе въ среду народа новшествъ, черезъ посредство вліятельныхъ родовичей, которые иногда могутъ служить проводниками въ народную массу нововведеній, примиряя ее съ новымъ порядкомъ вещей. Но законодательство и система управленія, которой придерживается правительство въ степяхъ, во всѣхъ областяхъ съ киргизскимъ населеніемъ, дѣйствуютъ слишкомъ осторожно, находя родовое начало опаснымъ съ политической точки зрѣнія. Положенія управленій Туркестанскаго и Степного края одинаково преслѣдуютъ цѣль: игнорируя родовые союзы, создать самоуправленіе примѣнительно къ общему крестьянскому положенію, но съ измѣненіями, дающими большой просторъ власти туземной администраціи и увеличивающими компетенцію народнаго суда (главныя особенности обоихъ положеній 1887 года для Туркестанскаго и 1893 года для Степного края). Помимо чисто историческихъ и соціальныхъ причинъ, повліявшихъ на паденіе значенія родовичей среди киргизъ, новая административная система, одновременно съ причинами экономического характера, повліяла на развитіе среди киргизъ плутократіи или кулачества, закабалившихъ, путемъ захвата власти на выборахъ и вліянія въ народномъ судѣ, народную массу, которая, благодаря своей инертности и пассивности, не въ силахъ сама

бороться съ этимъ явленіемъ; если старые родовичи, пользуясь своимъ авторитетомъ, и увеличивали свое благосостояніе, въ ущербъ своей роднѣ, то, съ другой стороны, интересы тѣхъ и другихъ, благодаря патріархальнымъ нравамъ, были настолько близко связаны другъ съ другомъ, что одни, обогащаясь или увеличивая свое благосостояніе, доставляли средства къ существованію и поддерживали, согласно установившемуся издавна обычаю, своихъ бѣдныхъ родственниковъ; такимъ образомъ создавался своего рода патронатъ, который хотя и обезличивалъ индивидуума, но служилъ, однако, нѣкоторымъ обезпеченіемъ народной массы отъ нужды. При нынѣшнихъ же условіяхъ жизни и принятомъ порядкѣ управленія, мы видимъ, что личность, дѣлаясь независимѣе отъ авторитета родовичей, взамѣнъ того, эксплуатируется народившейся плутократіей, причемъ создается такая же зависимость бѣднаго отъ богатаго, какую мы наблюдаемъ въ нашемъ кулачествѣ.

Въ этомъ отношеніи степь настолько же заражена этимъ зломъ, какъ и коренная Россія, но кулакъ въ степи является еще во всеоружіи власти, пріобрѣтаемой имъ или посредствомъ подкупа избирателей на выборахъ, или при помощи угодливости начальству. Интересно, однако, что родовой бытъ не удалось разбить, онъ ведетъ упорную борьбу за свое существованіе; вліятельные киргизы прекрасно приспособились къ введенной системѣ управленія и отлично усвоили выборную систему, пользуясь ею и народнымъ судомъ, какъ орудіемъ поработенія массъ; въ рукахъ сильныхъ и богатыхъ родовое начало, которое хотѣли разбить введеніемъ волостного управленія, сумѣло овладѣть имъ, такъ какъ киргизы широко пользуются предоставленнымъ имъ правомъ перечисляться изъ одного аульнаго общества въ другое, соединяясь этимъ путемъ вновь въ родовыя группы, вопреки цѣли законодательства, желавшей введеніемъ волостей ихъ разъединить; все это доказываетъ, что родовое начало далеко не утратило своего соціальнаго значенія въ народѣ. Борьба между представителями родового и плутократическаго строя, составляетъ въ настоящее время отличительную черту народной жизни въ степяхъ, — сопровождаясь массою кляузничества, поборовъ, подкуповъ, лжесвидѣтельствъ и ложныхъ доносовъ, отъ которой сильно страдаетъ общественная нравственность киргизъ; объ этомъ говорилось нами въ другомъ мѣстѣ ¹¹⁾, а потому здѣсь остается добавить, что или наше законодательство не приспособлено къ киргизскому быту, или послѣдній до него не доросъ.

Обозрѣвая ходъ нашего законодательства въ Киргизской степи, начиная съ 1731 г., по настоящее время въ трудѣ г. Крафта ¹²⁾, мы видимъ, что оно носило вначалѣ исключительно политическій характеръ, стремилось постепенно охватить внѣшнія стороны народной жизни, переходя отъ ханской власти къ управленію султановъ и, дойдя въ настоящее время до выборной системы низшихъ органовъ управленія, под-

¹¹⁾ См. пр. 9.

¹²⁾ См. пр. 5.

чинило ихъ мѣстной власти полувоеннаго характера. Последнее особенно замѣтно въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ только съ 1887 года такъ называемое военно-народное управленіе уступило мѣсто административно-полицейскому; въ Степномъ краѣ это преобразование было осуществлено еще позднѣе, въ 1893 году. Въ то время какъ Степной край давно уже состоитъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, Туркестанскій край и по сіе время—въ военномъ министерствѣ: этимъ сильно тормозится его развитіе, такъ какъ обособленностью отъ общаго порядка управленія какъ будто подчеркивается политическая роль, которую еще должно преслѣдовать управленіе въ средне-азіатскихъ степяхъ, въ ущербъ ихъ нормальному развитію. Съ введеніемъ судебныхъ учреждений и распространеніемъ сферы вліянія судебныхъ уставовъ императора Александра II, съ 14 мая 1899 г., во всѣ закоулки степей, общественная жизнь последнихъ вошла совершенно въ русло гражданского теченія жизни остальной Россіи; въ интересахъ же самихъ степей желательно дальнѣйшее развитіе законодательства въ смыслѣ ихъ объединенія съ центральными губерніями, во всѣхъ сферахъ управленія и хозяйства. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что есть нѣсколько сторонъ народной жизни въ степяхъ, которыя особенно выдѣляются изъ общихъ условій и должны останавливать наше вниманіе: это, во-первыхъ, видоизмѣненіе адата, т. наз. обычнаго права, лежащаго въ основаніи устоевъ киргизской жизни, подъ вліяніемъ нашихъ узаконеній, которыя проникаютъ въ степь вмѣстѣ съ шаріатомъ; во-вторыхъ, распространеніе въ степи мусульманства, какъ силы наиболѣе приспособленной къ кочевому быту и болѣе простой формы религіознаго міросозерцанія; въ-третьихъ, борьба между родовой зависимостью и индивидуальнымъ развитіемъ киргиза, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, паденіе скотоводства, которое влечетъ за собою постепенное обѣднѣніе народной массы, задолженность ея и осѣданіе киргизъ, ведущее къ развитію земледѣлія тамъ, гдѣ оно возможно, иначе говоря, переходъ киргизъ исключительно отъ одного скотоводства къ земледѣлію и отъ кочевого быта къ осѣдлому.

Такимъ образомъ, задача нашего управленія въ степяхъ сводится, главнымъ образомъ, къ регулированію этихъ четырехъ кардинальных вопросовъ народной жизни, изъ которыхъ уже вытекаютъ различные частные, болѣе или менѣе мѣстнаго характера; не останавливаясь на нихъ, отсылаемъ интересующихся къ нашему же очерку, гдѣ эти вопросы трактуются и разбираются подробнѣе ¹³⁾.

Въ статьѣ, о которой мы имѣли уже случай говорить выше ¹⁴⁾, проходятъ красной нитью два принципа, котораго намѣрено держаться предстоящее преобразование: уменьшеніе компетенціи народнаго суда, усиленіе русской власти въ степи, въ ущербъ туземной, и объединеніе ея. Настоящее же степное положеніе признается далеко отставшимъ отъ современ-

¹³⁾ См. пр. 13.

¹⁴⁾ См. пр. 2.

наго положенія вещей; эта отсталость болѣе всего замѣчается въ сферѣ брачныхъ дѣлъ, въ которыхъ «киргизка уже давно и громко призываетъ къ русскому закону». Весьма важно, что проектъ при этомъ ставитъ своей задачей—измѣнить кореннымъ образомъ существующую податную систему. На самомъ дѣлѣ, кибиточная подать, приближаясь къ оброчной, по неравномѣрности обложенія, особенно при несвоевременности взысканія податей, составляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ золъ въ экономической жизни киргизъ, предоставляя неограниченное поле для злоупотребленій лицамъ туземной администраціи; во время раскладки податей, проигравшая на выборахъ партія и бѣднѣйшая часть населенія облагаются больше, чѣмъ онѣ въ состояніи платить, а такъ какъ аульные сходы—подчасъ миѣическое учрежденіе въ рукахъ волостныхъ заправиль, то страдающая часть населенія является совершенно беззащитной. Предполагается ввести подать по типу, существующему въ Букеевской ордѣ, гдѣ она взимается по извѣстной нормѣ, съ наличнаго скота. При такой системѣ, съ обложеніемъ податью и земель, проектъ надѣется, увеличивъ сумму налога, упорядочить систему его взиманія и распредѣлить болѣе равномѣрно единицу обложенія¹⁵⁾.

Все это будетъ касаться только степныхъ областей, а весь Туркестанскій край и нынѣ отошедшая къ нему Семирѣченская область, съ огромнымъ киргизскимъ населеніемъ, останутся при настоящихъ условіяхъ существованія, т.-е. при обширной компетенціи народнаго суда, съ слабымъ контролемъ русской военной власти, неравномѣрной системѣ обложенія, несвоевременномъ сборѣ податей и чрезмѣрномъ вліяніи туземной администраціи, въ рукахъ которой власть и судъ составляютъ только орудіе подчиненія и эксплуатаціи народной массы. Такимъ образомъ, если бы киргизское населеніе Туркестанскаго края и Семирѣченской области не входило въ составъ военнаго министерства, то и его коснулась бы предполагаемая реформа.

IV.

Для того, чтобы бросить теперь взглядъ на состояніе степей, необходимо обратиться къ помощи тѣхъ немногихъ цифръ, какими мы въ настоящее время располагаемъ.

Самое главное явленіе, которое должно привлечь наше вниманіе, это обѣдненіе киргизъ вслѣдствіе частыхъ падежей скота и слѣдовательно уменьшенія его; они особенно тяжелы, такъ какъ застаютъ по большей части народъ не подготовленнымъ къ такому бѣдствію, несмотря на то, что оно повторяется періодически и въ извѣстной степени изъ году въ годъ. Результатомъ этого является увеличеніе «игинчей», т.-е. киргизъ, которые вынуждены ликвидировать свое скотоводческое хозяйство и обратиться исключительно къ земледѣлію; положеніе ихъ, съ нашей точки зрѣнія, дѣлается прочнѣе,

¹⁵⁾ См. пр. 2.

такъ какъ, осѣвъ, они естественно расстаются съ кочевымъ бытомъ, становясь изъ производителей сырья, хлѣборобами; черезъ нѣсколько времени при благопріятныхъ условіяхъ, особенно при поддержкѣ родовой, они могутъ развить свое хозяйство, перейдя къ нормальному земледѣльческо-скотоводческому типу, къ которому постепенно и переходитъ вся Киргизская степь, такъ какъ только при этихъ условіяхъ можетъ существовать киргизъ, среди той природы, которою окруженъ, и при измѣнившихся торгово-экономическихъ условіяхъ. Но киргизъ, попавъ въ рядъ игинчей, при такомъ крутомъ переломѣ въ своей жизни теряетъ и чувствуетъ себя сначала совершенно безпомощнымъ, быстро попадая благодаря этому въ руки разныхъ эксплуататоровъ и хищниковъ, изъ числа торговцевъ-ростовщиковъ; вслѣдствіе этого задача нашей экономической политики въ степяхъ, несомнѣнно, состоитъ въ томъ, чтобы устранить столь рѣзкій переходъ отъ однихъ условій жизни къ другимъ, отъ одного скотоводства—къ земледѣлію.

«Переходнымъ идеаломъ нашей киргизской политики,—говоритъ г. Шкапскій¹⁶⁾,—должно быть созданіе такихъ условій, которыя, способствуя улучшенію быта киргизовъ-кочевниковъ, въ то же время облегчали бы имъ переходъ не къ земледѣльческому исключительно хозяйству, а къ земледѣльческо-скотоводческому». Авторъ приводитъ цифры, правда, относящіяся къ 60-мъ годамъ, но которыя краснорѣчиво доказываютъ значеніе степного хозяйства для государства; такъ, въ 1867 г. на киргизскую степь падаетъ перегнаннаго въ Европейскую Россію скота, по сибирской и оренбургской линіямъ, 91,8%, изъ привезенныхъ кожъ 66,9% и шерсти 94,1%¹⁷⁾. При повсемѣстномъ паденіи скотоводства въ Европ. Россіи, особенно вслѣдъ за голодовками послѣднихъ годовъ, весь центръ производства сырья и пригона скота переходитъ въ киргизскую степь, которая, благодаря улучшеннымъ путямъ сообщенія и проведенію желѣзной дороги, пріобрѣтаетъ въ этомъ отношеніи еще большее значеніе. Но, съ другой стороны, въ силахъ ли будетъ степь выполнить свою экономическую задачу, если джуты (падежи скота), періодически повторяющіеся, унесутъ массу скота, обративъ многихъ самостоятельныхъ киргизъ въ пролетаріевъ; такъ, во время джута 1879—1880 гг. киргизы Тургайскаго и Иргизскаго уѣздовъ потеряли 59% всѣхъ своихъ стадъ, а киргизы Илецкаго и Николаевского уѣздовъ, гдѣ киргизы могли сдѣлать сѣнные запасы, потеря ограничилась 24%¹⁸⁾; въ томъ же году въ четырехъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области (Перовскомъ, Туркестанскомъ, Чимкентскомъ и Аулиеатинскомъ) пало 56% скота, а въ 1892 г. въ Базалинскомъ уѣздѣ киргизы, зимовавшіе въ Кара-Кумахъ, потеряли 90% лошадей, 80% барановъ и 60% верблюдовъ¹⁹⁾.

¹⁶⁾ О. Шкапскій: „Нѣкоторые данныя для освѣщенія киргизскаго вопроса“. *Русская Мысль*, 1897 г., кн. VI, стр. 47.

¹⁷⁾ Тамъ же, стр. 40.

¹⁸⁾ Тамъ же, стр. 35.

¹⁹⁾ Тамъ же, кн. V, стр. 52—53.

Помимо періодическихъ джутовъ, скотъ ежегодно падаетъ мѣстами отъ безкормицы, холодовъ и т. п.; такъ, въ зиму 1888—1889 гг. киргизы Казалинскаго уѣзда потеряли 10% скота отъ зимнихъ бурановъ.

Въ Сыръ-Дарьинской области въ 1870 г. общее количество скота было 6.988,220 головъ, въ 1877 г. упало до 4.113,999, а въ 1885 г. до 2.751,700, т.-е. за 15 лѣтъ понизилось на 132%; какія же цифры намъ дадутъ 1892 и послѣдующіе неблагопріятные годы ²⁰⁾!

При такихъ условіяхъ, какимъ образомъ можетъ правильно идти хозяйство киргизъ, если оно не въ состояніи выдерживать не только безкормицы въ неблагополучные годы, но и обыкновенныхъ неблагопріятныхъ условій. Будетъ ли возможность рассчитывать для народнаго хозяйства Россіи на Киргизскую степь, какъ на главную производительницу сырья, если скотоводство пойдетъ по наклонной плоскости въ такой огромной прогрессіи; не можетъ быть сомнѣнія, что въ другихъ степныхъ областяхъ и Астраханской губерніи положеніе вещей такое же, если не худшее, такъ какъ зимы тамъ суровѣе, а искусственнаго орошенія, какъ въ Туркестанскомъ краѣ, нѣтъ, и киргизы вполнѣ зависятъ отъ естественныхъ условій.

Рядомъ съ этимъ возрастаетъ число пгинчей, въ 1872 г. въ той же Сыръ-Дарьинской области было 39,945, окончательно лишившихся скота, въ 1877 г. 53,439, за пять лѣтъ число ихъ возросло болѣе чѣмъ на 33% ²¹⁾. Въ Тургайской области, болѣе изобилующей кормовыми травами, изъ «Обзоровъ Тургайской области» видно, что въ 1878 г. въ ней считалось 3.576,471 головъ скота, на cadaго юртовладѣльца приходилось по 56 головъ; въ зиму 1879—1880 гг. пало въ области около 42%, такъ что въ 1891 г. приходилось уже только 27 головъ, въ 1882 г.—30, а въ 1889 г.—42 головы; такимъ образомъ мы видимъ, какъ медленно послѣ джута поправляется хозяйство киргизъ,—даже черезъ десять лѣтъ оно не достигло того уровня, на которомъ стояло въ 1879—1880 годахъ ²²⁾.

Что періоды джутовъ повторяются довольно правильно и имѣютъ связь съ метеорологическими явленіями, служитъ доказательствомъ 1891 годъ, когда голодъ въ Европ. Россіи сопровождался тоже явленіемъ джута въ прииртышской степи, на Эмбѣ, въ Каракумахъ и Иргизскомъ уѣздѣ; послѣдній пострадалъ еще разъ въ 1898 г. ²³⁾.

При такомъ положеніи скотоводства въ Киргизской степи, видно, насколько оно является рискованнымъ, не обезпечивая благосостоянія киргизовъ, у которыхъ между тѣмъ возрастаютъ потребности и вмѣстѣ съ ними натурально должны увеличиваться источники доходовъ. Къ числу ихъ

²⁰⁾ Тамъ же, кн. V, стр. 45.

²¹⁾ Тамъ же, кн. V, стр. 46.

²²⁾ Тамъ же, кн. V, стр. 52.

²³⁾ Турк. Вѣдом. 1892 г., № 5, Недѣля 1892 г., № 26, „Оч. Сѣверн. Туркест.“, стр. 150—169, Турк. Газ. 1898 г.

слѣдуетъ отнести увеличеніе у киргизъ земледѣлія, которое развивается между ними довольно интенсивно; это видно изъ слѣдующей таблицы по Тургайской области:

Годы.	Площадь посѣва въ казенныхъ десятинахъ.					
	Пшеницы.	Р ж и.	О в с а.	Ячменя.	П р о с а.	В с е г о.
1879	18,420	56	2,689	139	16,130	37,434
1884	24,623	117	8,789	290	32,600	66,419
1889	61,619	544	17,547	3,687	27,253	110,647
1894	34,398	4,606	6,089	1,811	52,528	99,432
1898	44,227	1,117	15,998	2,192	54,642	118,176

Такимъ образомъ мы видимъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ общая площадь посѣва у киргизъ увеличилась съ 37,434 десятинъ до 118,176 десятинъ, т.-е. болѣе чѣмъ въ 3 раза ²⁴⁾.

На ряду съ этимъ для борьбы съ окружающей суровой и бѣдной природой, выработался въ степи типъ зимовокъ, которыми стали пользоваться киргизы, для сохраненія своихъ стадъ. Разумѣется, типы зимовокъ, существующіе въ Тургайской, Сыръ-Дарьинской, Акмолинской и друг. областяхъ, населяемыхъ киргизами, находятся въ зависимости отъ условій природы и имѣющагося подъ рукой матеріала, для чего служатъ, главнымъ образомъ, колючка, глина и камышъ.

Въ статьѣ г. Шкапскаго ²⁵⁾ этотъ вопросъ разработанъ подробно; мы не будемъ на немъ останавливаться, скажемъ только, что это также доказываетъ умѣнье киргизъ вести борьбу за существованіе, приспособляясь къ окружающей обстановкѣ.

Но если устройство зимовокъ возможно повсюду, то развитіе земледѣлія вполнѣ зависитъ отъ имѣнія подъ рукой воды, какъ, на примѣръ, такой водной артеріи, какъ Сыръ-Дарья, о которой авторъ «Туркестанскихъ скитаній», говоритъ, что, «если Волга присвоила себѣ названіе кормилицы русскаго мужика, то съ тѣмъ же правомъ Сыръ-Дарья можетъ называться кормилицей его родного брата—туркестанскаго жителя ²⁶⁾». Изъ Дарьи выходитъ огромная система оросительныхъ канавъ, которая въ одномъ Казалинскомъ уѣздѣ орошаетъ кромѣ городскихъ земель до 15,000 десятинъ; съ нихъ было снято въ 1893 году 208,748 пудовъ проса, 27,859 пудовъ ячменя и 97,161 пудовъ пшеницы, не считая клевера, арбузовъ, дынь и т. п. ²⁷⁾; на берегахъ ея можно достать лѣсъ для построекъ чигирей, желобовъ, черпаковъ и проч. Въ иномъ положеніи, гораздо болѣе затруднительномъ, находятся земледѣліе и орошеніе, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ

²⁴⁾ *Тург. Газ.* 1900 г., № 40: „Хозяйство киргизъ въ Тургайской области“. П. Воронцовскій.

²⁵⁾ Тамъ же, кн. V, стр. 54—56.

²⁶⁾ См. прим. 11, стр. 39.

²⁷⁾ *К. Тимеевъ*: „Казалинскій уѣздъ, статистическій очеркъ: Средняя Азія“. *Альманахъ* 1845 г., стр. 174.

нѣтъ такой водной артеріи, какъ Сыръ-Дарья, гдѣ степныя рѣки лѣтомъ высыхаютъ, гдѣ не развито и почти невозможно лѣсонасажденіе и гдѣ киргизамъ приходится засѣвать низины, въ которыхъ скопляется весной дождевая влага или рассчитывать только на атмосферныя осадки, выпадающіе въ степи въ очень маломъ количествѣ.

Что же касается кормовыхъ травъ, столь необходимыхъ киргизамъ для прокормленія скота во время подножнаго корма и для заготовленія запасовъ на зиму, то мы опять-таки придемъ къ грустнымъ выводамъ. Помимо зарослей камыша и куги по степнымъ рѣкамъ и озерамъ, служащихъ не только для корма, но и какъ матеріалъ для постройки зимовокъ (загородки, крыши), а также для топлива, мы встрѣчаемъ довольно скудную растительность. Мы имѣемъ описаніе степи, сдѣланное еще въ 50-хъ годахъ ботаникомъ Борщовымъ, который по флорѣ и почвеннымъ условіямъ дѣлитъ всю арало-каспійскую низменность на четыре области: 1) область ковыльной степи, 2) область глинистой пустыни, 3) область соляныхъ пустынь и 4) область бугристыхъ песковъ; всѣ эти четыре области имѣютъ довольно опредѣленныя границы ²⁸⁾, и характеризуются типами разной флоры. Сдѣлавъ обзоръ всѣхъ областей, Борщовъ говоритъ: «что единственные мѣста, дающія порядочныя скосы сѣна, лежатъ по Уралу, Илеку, а также на верховьяхъ Ори, на склонахъ возвышенности Уркачъ». «Низины же р. Сыръ-Дарьи, затопляемыя водой и поросшія камышомъ, замѣняющимся при частыхъ укусахъ оржанцемъ, представляютъ крайне ограниченное пространство, могущее обезпечить кормъ для скота на зиму. Кромѣ того, наконецъ, пользоваться такими низинами по крайне незначительному числу ихъ могутъ далеко не всѣ киргизы» ²⁹⁾.

Авторъ этой статьи приходитъ къ тому заключенію, обозрѣвъ строеніе степи и ея флору, что главная причина уменьшенія киргизскихъ стадъ и обѣднѣнія населенія кроется въ окружающей киргиза физико-географической обстановкѣ; тамъ, гдѣ для лѣтней тебеневки природа доставляетъ лучший кормъ и даетъ еще возможность сдѣлать запасы, населеніе менѣе страдаетъ отъ джута, появляющагося только изрѣдка вслѣдствіе неблагоприятно складывающихся условій, но тамъ, гдѣ скотъ можетъ пользоваться хорошимъ кормомъ только весною и отчасти лѣтомъ, а зимой осужденъ на голоданіе, — неизбѣжнымъ является падежъ скота въ размѣрахъ отъ 10 до 70% общаго количества его ³⁰⁾.

Такимъ образомъ, скотоводство въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ оно находится въ настоящее время, далеко не достаточно для поддержанія экономическаго благосостоянія киргиза среди той природы, которая его окружаетъ. Между тѣмъ, нельзя отвергать его огромнаго значенія, не только для поддержанія благосостоянія киргизскихъ массъ, но и въ интере-

²⁸⁾ См. 26 и пр. кн. VI, стр. 32.

²⁹⁾ См. 26 и пр. кн. VI, стр. 35.

³⁰⁾ См. 26 и пр., стр. 38.

сахъ народнаго хозяйства всей Россіи, такъ какъ степь, какъ производительница сырья, работаетъ не только для русскаго, но и для заграничнаго рынка.

Однако для поддержанія этой важной отрасли народнаго хозяйства правительство дѣлаетъ очень мало усилій; объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что степь еще недостаточно возбудила къ себѣ общественный интересъ, а во-вторыхъ, и тѣмъ, что она еще мало обследована, вслѣдствіе этого и роль ея въ общей экономической политикѣ государства до сихъ поръ прочно не установлена.

Но скотоводство въ настоящее время не исчерпываетъ всей экономической стороны киргизской жизни, рядомъ съ нимъ земледѣліе приобрѣло такое значеніе, что авторъ вышеупомянутаго статистическаго очерка Казалинскаго уѣзда ⁸¹⁾ замѣчаетъ: «Занятіе земледѣліемъ для кочевого населенія настолько важно, что необходимо, по примѣру смежныхъ областей степного генералъ-губернаторства, обратить на него серьезное вниманіе. Въ Семирѣченской области наряду съ другими мѣропріятіями, какъ изученіе киргизскаго землепользованія, скотоводческаго хозяйства и проч., направленными къ установленію болѣе или менѣе положительныхъ нормъ, необходимыхъ для опредѣленія границъ дальнѣйшей колонизаціи степей и обезпеченія киргизскаго скотоводства, постепенно осуществляется устройство степняковъ, какъ земледѣльцевъ. Съ 1894 г. въ Семипалатинской области заведены сѣмянные склады для киргизъ (см. *Ст. Кр.* 1894 г., № 101) (Каркаралинскій уѣздъ), успѣшно повліявшіе на занятія ихъ хлѣбопашествомъ». На-ряду съ этимъ, по всему пространству Киргизской степи мы замѣчаемъ стремленіе народа осѣсть на землю и приобрести этимъ путемъ болѣе прочное положеніе; но статистическія данныя указываютъ, что развитіе земледѣлія, постройка зимовокъ и проч. не вездѣ имѣютъ одинаковую историческую давность и не всегда успѣхъ имъ благопріятствуетъ. Изъ статистическаго изслѣдованія Кокчетавскаго уѣзда ⁸²⁾, установлено, что постройки на зимовыхъ стойбищахъ киргизы стали воздвигать около 60 лѣтъ тому назадъ, когда у нихъ впервые появилась коса и нѣкоторые хозяева стали дѣлать запасы сѣна. Земледѣліе среди киргизъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ развито мало, но вся честь обученія кочевниковъ сельскохозяйственнымъ приѣмамъ принадлежитъ русскимъ переселенцамъ.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ Тургайской области, гдѣ киргизы переходятъ уже къ сѣннымъ запасамъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, нуждаясь въ машинахъ для сѣнокошенія, и засѣваютъ большія площади въ степи, главнымъ образомъ просами.

Независимо отъ того, въ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи издавна, еще до прихода русскихъ, со временъ каракалпаковъ, было распространено земледѣліе, развита цѣлая сѣть арычной системы и

⁸¹⁾ См. прим. 28.

⁸²⁾ См. примѣч. 1 и 9.

киргизы научились приемамъ хозяйства отъ сартовъ изъ Бухары и Хивы; захвативъ господство надъ сыръ-дарьинскими киргизскими родами въ 30-хъ и 40-хъ годахъ этого столѣтія, хивинцы налагали на киргизъ кромѣ зякета со скота и особую подать съ хлѣба—усуръ ³³⁾.

Съ нѣкоторыхъ поръ даже, во многихъ мѣстахъ степи, замѣчается довольно сильная борьба, по вопросу о пользованіи земельными угодьями, на прим., на островѣ Кара-Узякъ, Перовскаго уѣзда, происходятъ постоянные раздоры между потомствомъ султана Илекея Касимова и киргизами, кочующими на островѣ и около форта Барамакчей, на Сыръ-Дарьѣ; потомство Касимова стремится захватить какъ можно больше земли, въ ущербъ массѣ киргизъ, которые имѣютъ на островѣ много распашекъ ³⁴⁾. Но гораздо хуже положеніе вещей въ Букеевской ордѣ, Астраханской губерніи, гдѣ зарегистрировано 13,079 кибитокъ пролетаріевъ, т.-е. около 30% населенія орды; такъ какъ во время управленія ордою сына Букее, хана Джангера (съ 1824 г.), послѣдній упразднилъ обычное право въ области гражданскихъ отношеній и незаконно роздалъ общественныя земли по ярлыкамъ въ личное владѣніе родственникамъ султанамъ, должностнымъ лицамъ и даже рядовымъ киргизамъ, создавъ такимъ образомъ классъ богатыхъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ; ближайшимъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является проживаніе 11,030 кибитокъ внѣ ордынской территоріи ³⁵⁾.

Въ обоихъ случаяхъ мы видимъ стремленіе киргизскихъ родовичей утвердить за собою захватъ, сдѣланный ими во время обладанія властью. Эти два примѣра ясно показываютъ, насколько въ міровоззрѣніи киргизъ является существеннымъ вопросъ о землѣ, не для одного только скотоводства; такая борьба изъ-за земельныхъ участковъ, зимовыхъ стойбищъ и сѣнокосныхъ угодій, между отдѣльными родовичами и цѣлыми аульными обществами происходитъ повсюду въ степи; встрѣчающіеся повсемѣстно земельные споры доказываютъ, что «киргизское населеніе переживаетъ переходный моментъ отъ кочевого образа жизни къ полукочевому и полужемледѣльческому или же исключительно земледѣльческому. Въ законодательствѣ нашемъ нѣтъ твердо установившейся точки зрѣнія на ту форму владѣнія или пользованія землей, которой можно было бы руководствоваться киргизамъ, вслѣдствіе этого безусловно отсутствуетъ юридическая регламентація этого вопроса» ³⁶⁾. Г. Шкапскій «какъ на иллюстрацію этихъ распрей за природу» указываетъ «на постоянные споры перовскихъ и акмолинскихъ киргизъ за право пользованія пастбищами по берегамъ рѣки Сары-су» ³⁷⁾. Эти распри, которыя до сихъ поръ еще не разрѣшены, неоднократно разбирались на чрезвычайныхъ сѣздахъ уполномоченныхъ отъ администраціи и представителей населенія Сыръ-Дарьинской и Акмо-

³³⁾ См. прим. 12, стр. 75.

³⁴⁾ См. прим. 12 и пр., стр. 37.

³⁵⁾ *Русск. Турк.* 1899 г., № 93.

³⁶⁾ См. прим. 12 и пр., стр. 37.

³⁷⁾ См. прим. 19 и пр., кн. VI, стр. 36.

линской областей, нѣсколько разъ, и имѣютъ отношеніе не только къ скотоводству, но и къ земледѣлію, потому что бассейнъ рѣкъ Сары-су и Чу служить для киргизъ не однимъ пастбищемъ, но также огромной площадью, гдѣ производятся большіе посѣвы пшеницы и проса, подобно тому, какъ и въ другихъ уголкахъ степи, гдѣ только представляется возможность заниматься хлѣбопашествомъ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ существованія въ степяхъ, занятыхъ киргизами, когда скотоводство, бывшее до сихъ поръ главнымъ источникомъ ихъ существованія, падаетъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, а земледѣліе еще недостаточно глубоко проникло въ народную массу, чтобы замѣнить или придти на помощь вызывающему къ ней скотоводству, интересно прослѣдить развитіе другихъ промысловъ въ степяхъ, чтобы составить себѣ полную картину экономической жизни киргизскаго населенія.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки и озера, киргизы занимаются рыболовствомъ; но при настоящихъ путяхъ сообщенія, при отсутствіи рынковъ для сбыта, этотъ промыселъ, которымъ заняты главнымъ образомъ уральскіе сосланные казаки, въ устьяхъ Аму и Сыръ-Дарьи, а также по берегамъ Аральскаго моря и въ другихъ частяхъ степи, многого не даетъ для киргизъ и служить только подспорьемъ для питанія населенія; въ настоящее время, онъ сосредоточивается въ рукахъ немногихъ рыбопромышленниковъ, а киргизы, имѣя у нихъ заработокъ, сами въ коммерческихъ цѣляхъ еще не эксплуатируютъ разбросанныхъ по степнымъ рѣкамъ и озерамъ рыбныхъ богатствъ. Картина и положеніе рыбнаго промысла на Косъ-Аралѣ, въ Казалинскомъ уѣздѣ, хорошо представлены въ трудѣ г. Гейера, къ которому мы и отсылаемъ интересующагося этимъ вопросомъ ³⁸⁾; изъ описанія автора видно, что киргизъ пока является только или работникомъ, или сдатчикомъ рыбы у капиталиста-промышленника.

Этотъ промыселъ заслуживаетъ быть упомянутымъ, такъ какъ пока онъ довольно слабо распространенъ между киргизами, но въ будущемъ можетъ развиться и привлечь къ себѣ значительное число ихъ.

Въ иномъ положеніи находится вопросъ о степной торговлѣ, которая ведется въ степи скупщиками сырья въ лицѣ торговцевъ изъ русскихъ татаръ, сартовъ и евреевъ, служащихъ посредниками между производителемъ мануфактуры и потребителемъ ея—киргизомъ. Съ этой торговлей, имѣющей большое значеніе въ степной жизни, связаны вопросы о кредитѣ, который въ свою очередь близко соприкасается съ податнымъ вопросомъ, системой туземной администраціи и съ тою рознью, которую она внесла въ киргизскую жизнь.

Не обладая достаточнымъ количествомъ денежныхъ знаковъ, киргизъ, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своей жизни, чисто-внѣшняго характера, страшно нуждается въ кредитѣ; помимо податей, не малую роль въ потребностяхъ киргизъ играютъ выборы и сутяжничество, находящія

³⁸⁾ См. прим. 11 и пр., стр. 75—132.

благодарную почву въ народномъ судѣ; нуждаясь въ кредитѣ, то какъ избиратель или избираемый, киргизъ всегда бываетъ страшно задолженъ, если вступаетъ на скользкій путь выборныхъ интригъ; при развитіи родовыхъ понятій, задолженность киргиза отзывается на его родѣ, иногда до 5-го колѣна.

Принятіе податной системы, уже давно признанной несостоятельной, со взносомъ въ такое время года, когда цѣны на скотъ и продукты скотоводства понижаются на рынкахъ, очень сильно способствуетъ развитію кредитныхъ операцій среди киргизъ; подать сама по себѣ не велика, не болѣе 5% валового дохода поселенія, но она сопровождается такими незаконными поборами со стороны заправиль и волостныхъ тузовъ, что положительно разстраиваетъ жизнь киргиза на цѣлый годъ и нарушаетъ равновѣсіе въ его бюджетѣ. Все зло въ томъ, что раскладка податей, при инертности и безгласности народа, бываетъ совершенно произвольная, такъ какъ она сосредоточивается въ рукахъ немногихъ заправиль волости; послѣдніе, освобождая богатыхъ и сильныхъ отъ податей или облегчая ихъ податное бремя, облагаютъ проигравшую на выборахъ партію и раскладываютъ на весь народъ свои личные расходы, какъ-то: уплаты калыма, устройство празднествъ, выборы и тяжбы въ народномъ судѣ; не обладая денежными знаками, производя сыръя меньше, чѣмъ достаточно для удовлетворенія своихъ потребностей, какъ это мы увидимъ ниже, плательщикъ-киргизъ волей-неволей вынужденъ прибѣгать къ кредиту, который, по большей части, является въ видѣ обмѣниваемого на сырье всегда недостающаго хлѣба и мануфактурнаго товара; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря усложненію жизни и развитію киргиза, увеличиваются его потребности, что тоже не проходитъ безслѣдно для задолженности его, такъ какъ и тутъ приходится прибѣгать къ кредиту. Представителемъ послѣдняго является торговецъ мануфактурнымъ товаромъ, онъ же скупщикъ сыръя, изъ татаръ, сартовъ и русскихъ, которые одинаково эксплуатируютъ киргиза, пользуясь его затруднительнымъ положеніемъ, продавая ему товаръ въ долгъ, въ счетъ будущаго урожая или удоя. Результатомъ такого порядка вещей является ужасная задолженность киргизъ передъ торговцами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовщики, взимающіе до 100 и болѣе процентовъ за свои, пускаемые въ оборотъ капиталы. Они всегда являются со своими услугами, когда киргизъ нуждается въ кредитѣ или зернѣ для посѣва, обезпечивая свой долгъ векселемъ или другимъ обязательствомъ.

Въ степныхъ уѣздахъ съ киргизскимъ населеніемъ, 90% всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, у мировыхъ судей, составляютъ дѣла о взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ.

Подобнымъ путемъ происходитъ обмѣнъ цѣнностей между промышленникомъ, фабрикантомъ мануфактурнаго товара и потребителемъ его киргизомъ, производителемъ сыръя, а посредниками между тѣмъ и другимъ выступаютъ упомянутые представители степной торговли. Причина задол-

женности имъ киргизъ, нагляднѣе всего, видна изъ ознакомленія съ бюджетомъ киргизской семьи.

По вычисленію г. Щербины среднее киргизское хозяйство въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области характеризуется слѣдующими общими чертами ³⁹⁾: «при семьѣ въ 6,23 д. общая стоимость въ немъ имущества равняется 893 р. 50 к., годичный доходъ валовой 407 р. 47 к. и годичный валовой расходъ 399 р. 70 к., а остатокъ, слѣдовательно, выражается въ 7 р. 77 к. Если же эти цифры перевести на одну душу населенія, то стоимость всего имущества на душу выразится въ 143 р. 30 к., приходъ 65 р. 35 к., расходъ 64 р. 10 к., остатокъ 1 р. 25 к. Иначе говоря приходъ составляетъ 45,6% всего имущества, расходъ—44,7%, а остатокъ—1,9% по отношенію къ суммѣ прихода и 0,9% по отношенію къ стоимости имущества»; при этомъ изслѣдователь за единицу изслѣдованія принималъ хозяйственный аулъ, т.-е. группу киргизъ, имѣющихъ общую зимовку (кстау) и совмѣстно пользующихся другими угодьями и пастбищами, что и подходит ближе всего подъ киргизское представленіе о семьѣ. Для Астраханской губерніи въ 1894 году цифры эти представлялись въ слѣдующемъ видѣ: на каждаго киргиза приходилось 6,9 головы скота, на которую падало 3,6 десятины земли, между тѣмъ для успѣшнаго развитія кочевого хозяйства въ ордѣ необходимо отъ 5 до 6 десятинъ удобной земли на голову скота ⁴⁰⁾, не считая необходимаго пространства, на путяхъ перегона скота съ лѣтнихъ на зимовку и обратно, что, очевидно, изслѣдователемъ не было принято въ соображеніе.

Гораздо краснорѣчивѣе представляются цифры для сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области, взятые у г. Васильева изъ его опыта экономического обзора «Кочевники Туркестана» (Окраина 1890 г. приложение) ⁴¹⁾; именно, богатство одного юртовладѣльца въ то время, когда скотоводство въ степи было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь, заключалось: «въ 36 овцахъ, 2,77 верблюдахъ, 2,70 лошадахъ и 2 головахъ рогатаго скота, всего же на одно хозяйство приходилось 43,47 головъ скота различныхъ породъ». Если отъ средняго достатка киргиза перейти къ среднему годовому доходу и расходу его семьи, то первый выразится въ слѣдующемъ: два пуда шерсти, шесть бараньихъ тушъ мяса, столько же овчинъ, пятнадцать рублей отъ продажи молодыхъ барановъ (изъ приплода), тахішм тридцать рублей въ годъ отъ караванной перевозки товаровъ, да молочныхъ продуктовъ не болѣе того, сколько требуется для удовлетворенія потребностей семьи. Сверхъ этого скотоводъ ни на что болѣе рассчитывать не можетъ. Изъ этого годового дохода на уплату податей, на покупку хлѣба и одежды киргизъ можетъ располагать только 45 руб., полученными отъ извознаго промысла и отъ продажи молодыхъ барановъ. Обра-

³⁹⁾ См. прим. 1, 9 и др.

⁴⁰⁾ См. прим. 1 и 6.

⁴¹⁾ См. прим. 19 и пр.

щаясь къ цифрѣ годового расхода кочевника, мы увидимъ, что каждый юртовладѣлецъ со своей семьей долженъ тратить на покупку хлѣбной пищи 24 руб., на одежду 30 руб. и сверхъ того различныхъ податныхъ платежей 9 руб. 25 коп.; обязательный годово́й расходъ его равняется 63 руб. 25 коп., стало быть ежегодный дефицитъ простирается до 18 р., для покрытія котораго онъ долженъ продавать и шерсть, и овчины, урѣзывая свои потребности болѣе чѣмъ до *minimum'a*. Однако, авторъ не принялъ во вниманіе, что часть хлѣбной пищи киргизъ вырабатываетъ самъ; но даже, если изъ суммы 24 руб. выкинуть недостающіе 18 руб., то едва ли останется 6 руб. на всѣ остальные потребности семьи; но и эту сумму киргизъ можетъ получить только при существованіи извознаго промысла, который, однако, съ постройкой Закаспійской и Средне-Азіатской жел. дор. совершенно погибъ, для сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской и южныхъ уѣздовъ Тургайской областей.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ цифровыхъ данныхъ, въ разныхъ краяхъ Киргизской степи, какія оказались у насъ подъ рукою, ясными будутъ то общія и задолженность народной массы, которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ уголкахъ степи; совершенно то же явленіе, что и въ жизни русскаго народа, мы встрѣчаемъ и среди киргизъ: вмѣсто періодическихъ голодовокъ—періодическіе падежи скота, темнота народной массы, все развивающееся міроѣдство, та же отчаянная борьба за существованіе, такъ какъ производимыхъ продуктовъ едва хватаетъ на пропитаніе, невозможность собственными силами улучшить свой бытъ, частью отъ природныхъ условій, частью отъ косности и т. п. Если къ описанному мы присоединимъ полную заброшенность киргизъ, которые почти предоставлены собственной судьбѣ, такъ какъ заботы правительства касаются лишь самыхъ поверхностныхъ сторонъ киргизской жизни, не проникая вглубь ея, то намъ ясно представится безотрадная картина состоянія степей, въ настоящее время.

V.

Естественнымъ путемъ, послѣ сказаннаго возникаетъ вопросъ, какъ придти на помощь и что можно сдѣлать для улучшенія бытовыхъ условій киргизскаго народа, ввѣреннаго историческимъ теченіемъ событій заботамъ русскаго государства.

Разрѣшить этотъ вопросъ въ одной краткой замѣткѣ невозможно, да оно и не по силамъ одному человѣку. Самымъ лучшимъ способомъ подойти къ его разрѣшенію, было бы осуществленіе предполагаемаго, но несостоявшагося съѣзда, въ Омскѣ или Оренбургѣ по киргизскимъ дѣламъ ⁴²⁾.

Сложность и трудность разрѣшенія киргизскаго вопроса кроется еще въ томъ, что къ вопросамъ экономическимъ, административнымъ и фискаль-

⁴²⁾ Русскій Туркестанъ 1899 г.

нымъ присоединяются религіозный, историческій и этнографическій, съ которыми никакъ нельзя въ данномъ случаѣ не считаться: тѣмъ не менѣе можно намѣтить нѣкоторые способы разрѣшенія этого вопроса, въ связи съ задачами Россіи въ Киргизской степи. Г. Шкапскій говоритъ, что есть два пути придти на помощь киргизскому народу ⁴³⁾: «это—орошеніе степи и облѣсеніе песковъ, которые дадутъ киргизскому населенію степи возможность безъ тяжелыхъ кризисовъ перейти отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческо-скотоводческому».

Нельзя, конечно, съ этимъ не согласиться, но имъ не исчерпывается та помощь, которую государство должно оказать киргизамъ; во-первыхъ, не всюду возможно оросить степь и не всѣ пески могутъ быть облѣсены, а во-вторыхъ, эти задачи не могутъ быть скоро выполнены. Между тѣмъ, необходимо сдѣлать что-либо въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ благосостояніе киргизъ падаетъ и народъ все болѣе теряетъ свои силы въ борьбѣ за существованіе, среди неблагопріятныхъ природныхъ условій.

Расширеніе сѣти арыковъ и скрѣпленіе песковъ необходимы, но этому должны предшествовать оро-географическія изслѣдованія, а на помощь вопросамъ, которые могутъ быть выдвинуты, должны придти статистическія и экономическія изслѣдованія, подобно предпринятымъ, подъ руководствомъ г. Щербины, въ Акмолинской области.

Такія работы должны выяснить, насколько земледѣліе сдѣлало успѣхи въ степяхъ, какое количество скота можетъ быть прокормлено тѣми сѣнными запасами, которые въ состояніи снять киргизы, такъ какъ едва ли возможно запасти кормъ для всего количества скота при скудности вообще степныхъ травъ; какая площадь необходима для тебеневокъ скота въ лѣтнее и зимнее время; сколько земель можетъ быть распахиваемо, безъ ущерба для табуннаго скотоводства; какіе промыслы могутъ служить подспорьемъ для киргизскаго хозяйства, такъ какъ нельзя рассчитывать, чтобы киргизъ былъ въ состояніи удовлетворить свои потребности однимъ хозяйствомъ средней руки.

Намъ кажется, что статистическія работы должны предшествовать какому бы то ни было правительственнымъ мѣропріятіямъ, въ особенности расширенію переселеній крестьянъ въ Киргизскую степь, до опредѣленія количества земель, которыя должны остаться въ пользованіи киргизъ; началомъ для этихъ работъ можетъ служить экспедиція г. Щербины, выполненная на средства министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія; только при этомъ условіи можно стоять на твердой почвѣ, особенно при разрѣшеніи экономическихъ вопросовъ. Такъ, на примѣръ, до сихъ поръ вообще мало извѣстно, какія формы землевладѣнія и землепользованія встрѣчаются у киргизъ и въ какой зависимости онѣ находятся къ родовому устройству киргизъ.

Но, помимо этой капитальной работы, необходимо создать внѣшнюю об-

⁴³⁾ См. прим. 19 и пр., кн. VI, стр. 45.

становку для выполненія какого бы то ни было плана, для этого было бы полезно организовать управленіе киргизскимъ народомъ по одной программѣ, такъ какъ теперь часть киргизъ находится подъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а другая въ военномъ вѣдомствѣ; киргизы Внутренней, такъ называемой Букеевской орды, управляются другимъ положеніемъ, чѣмъ киргизы Степного и Туркестанскаго края, а роды адаевцевъ въ Закаспійской области опять особо; если нельзя объединить все киргизское населеніе, по чисто географическимъ причинамъ, въ одно цѣлое, то, по крайней мѣрѣ, полезно было бы выработать одинаковое положеніе, которое было бы общимъ для всѣхъ составныхъ частей киргизскихъ ордъ, разбитыхъ по областямъ, вмѣсто нѣсколькихъ, различно дѣйствующихъ.

Не возвращаясь болѣе къ такимъ сторонамъ степной жизни, которыя были не разъ затрогиваемы въ литературѣ по этому вопросу, какъ-то: положенія женщины, печальнаго состоянія народнаго суда, отсутствія организаціи, регулирующей хозяйственную жизнь киргизъ, неимѣнія путей сообщенія въ степи, поразительнаго развитія ростовщичества, недостаточнаго числа общественныхъ сѣнныхъ запасовъ и хлѣбныхъ магазиновъ, и весьма слабаго пока развитія народнаго образованія (кромѣ Тургайской области), необходимо остановиться на недостаточномъ числѣ степныхъ центровъ, гдѣ бы сосредоточивалось управленіе извѣстнымъ райономъ и группировались бы интересы населенія нѣсколькихъ уѣздовъ, способствуя развитію мѣстной жизни; такъ, наприм., на пространствѣ 2,000 вер. отъ Оренбурга до Ташкента нѣтъ никакого крупнаго центра, каковымъ, однако, очень хорошо могъ быть г. Базалинскъ, въ которомъ бы могло быть объединено управленіе почти всей Малой ордой, соединеніемъ четырехъ уѣздовъ Тургайской области, одного уѣзда Уральской области и двухъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области, съ Аму-Дарьинскимъ отдѣломъ, въ одну область; благодаря отсутствію культурнаго городского центра на такомъ обширномъ пространствѣ, жизнь въ бассейнѣ Аральскаго моря развивается очень слабо ⁴⁴⁾.

Безъ сомнѣнія, всѣмъ описаннымъ далеко не исчерпываются задачи Россіи въ киргизскихъ степяхъ, но во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ придти къ тому убѣжденію, что пока дѣла въ степи находятся въ томъ положеніи, какъ въ настоящее время, мы не можемъ быть ни спокойны за судьбы киргизскаго народа, переживающаго тяжелый соціально-экономическій кризисъ, ни довольствоваться тѣмъ торгово-промышленнымъ значеніемъ, какое степь пріобрѣла во всемъ оборотѣ нашего народнаго хозяйства, не окупая тѣхъ жертвъ, которыя были для нея принесены и тѣхъ расходовъ, которые на нее государство несетъ.

И. Аничковъ.

⁴⁴⁾ См. прим. 12.

для нихъ будетъ объединеніе на кооперативныхъ началахъ. Для наилушей постановки дѣла и для обученія усовершенствованнымъ способамъ консервированія плодовъ—необходимъ инструкторъ-спеціалистъ, которые находятся въ распоряженіи вѣдомства землеустр. и земледѣлія.

Нѣдо подготовиться къ использованию самымъ разумнымъ способомъ остающихся каждый годъ запасовъ не вывезенныхъ изъ края фруктовъ.

Нѣдо подготовиться къ тому, что площадь фруктовыхъ садовъ растетъ съ каждымъ годомъ, что весь урожай этихъ садовъ не можетъ быть вывезенъ по желѣзнымъ дорогамъ, а, стало быть, остатки должны быть утилизированы.

Чѣмъ раньше объ этомъ подумать, тѣмъ лучше.

Стыдно было бы придти къ необходимости кормить фруктами скотъ.

Н. Тимаевъ.

Наблюденія и выводы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ по исполненію своихъ обиходныхъ служебныхъ обязанностей пришлось разъѣзжать въ кочевыхъ П. и К. уѣздахъ Туркестанскаго края. Цѣлю разъѣздовъ было: 1) наблюденіе за составленіемъ податныхъ раскладокъ, 2) разборъ жалобъ населенія на раскладки, составленныя, вопреки ст. 308 положенія объ управленіи краемъ, туземной администраціей, помимо аульных сходовъ юртовладельцевъ,

3) ревизія податныхъ—счетоводствъ и кассъ. Цѣль самодовлѣющая и притомъ увлекательная, воодушевляющая: защищать обратившуюся къ вамъ съ жалобой сѣрую туземную массу, этихъ наивныхъ дикарей, непосредственныхъ дѣтей природы отъ гнета и произвола пройдисвѣтной туземной администраціи, проводить въ сознаніе темной туземной массы свѣтъ быя начала русской гражданственности, доказать степняку-номаду и дать ему почувствовать, насколько ему не только выгодно, но и необходимо самому идти на встрѣчу попеченіямъ о немъ русскаго закона,—короче, я вѣхалъ вложить свою ленту въ общее для всѣхъ насъ здѣсь дѣло обрусѣнія края. Не подумайте, чтобы въ такомъ взглядѣ на дѣло было сколько-нибудь идеализаціи или фантазіи, такъ какъ я только лишь передаю то, что наблюдалъ на посѣщенныхъ мною сходахъ. Вы пріѣзжаете на аульный сходъ. Разсбравъ дѣло, убѣждаетесь, что податная раскладка, по поводу которой вамъ подана жалоба, дѣйствительно составлена помимо аульнаго схода—старшиной и его присными, составлена крайне неуравнительно, въ интересахъ богатыхъ и влѣятельныхъ и несправедливо для бѣдныхъ и малосостоятельныхъ. Но вотъ теперь, въ вашемъ присутствіи и подъ вашею эгидой—сходъ, и уже дѣйствительно созванный сходъ, опредѣляетъ выборныхъ для составленія раскладки, вотъ раскладка уже составлена и прочитана на сходѣ во всеуслышаніе,—тогда въ отвѣтъ вамъ отъ схода раздается его дружное и оглушительное «ризамысь, ризамысь, бары ризамысь» (согласны довольны, всѣ довольны) что, скажите, самой жалобой на раскладку, составленную аульнымъ старшиной безъ

вѣдома схода,—затѣмъ св имѣ «ризамысь ризамысь», раздавшимся въ отвѣтъ на составленную подъ вашимъ наблюдениемъ раскладку, туземцы развѣ не заявляютъ вамъ самолично, что, отвернувшись отъ произвола ханскихъ временъ, они охотно идутъ подъ сѣнь и защиту русскихъ законовъ, что они довольны («ризамысь») русскимъ режимомъ и въ дальнѣйшемъ, конечно, готовы предоставить просторъ его вліянію. Естественно, конечно, что, испытавъ на себѣ благодѣтельное вліяніе русскаго закона, киргизъ тотчасъ же заявляетъ о своемъ довольствѣ. Но вѣдь это уже единъ мысліе, единомушіе. Дѣйствуйте въ томъ же духѣ впередъ, и дальнѣйшее гражда.ское сліяніе на этой почвѣ будетъ уже только вопросомъ времени и привычки. Насколько языкъ добра оказывается присущимъ и понятнымъ человѣку, какъ таковому, внѣ всякихъ національныхъ рамокъ и другихъ историческихъ наслоеній!!

Вы — европеецъ, отдѣленный отъ азіата многими ступенями культурной разницы, именемъ русскаго закона сдѣлали добро киргизу, а онъ понялъ и оцѣнилъ ваше добро и кричитъ вамъ, что снѣ понялъ, оцѣнилъ и доволенъ («ризамысь»). Какъ космополитичны—власть, сила и вліяніе добра! Право, въ этомъ «ризамысь, ризамысь», сорвавшемся съ устъ киргиза, тронутаго добромъ, сдѣланнымъ ему отъ имени русскаго закона русскимъ человѣкомъ, мнѣ почудилась Божественная искорка того христіанскаго космополитизма, который притчею о милосердномъ самаритянѣ Христосъ первый открылъ въ человѣческой душѣ, какъ ея истинную и основную сущность и на которомъ Онъ строитъ св ю церковь, «вратами

вдовы неодолимую», свое «царство Божіе на землѣ» и свое «едино стадо съ единымъ пастыремъ». Я говорю здѣсь объ этомъ потому, что, къ счастью для киргизъ, мусульманскій фанатизмъ и національная исключительность, очевидно, не ослѣпили ихъ до того, чтобы они предпочитали терпѣть свое мусульманское зло, чѣмъ искать русскаго добра. А развѣ киргизы откликаются на языкъ добра, сдѣланнаго имъ русскими, слѣдовательно и въ ихъ душѣ есть крупинка того космополитизма, на почвѣ котораго возможно наше воздѣйствіе на нихъ и, какъ результатъ этого воздѣйствія — ихъ асимиліяція. Свою долю значенія, какъ видно изъ приведеннаго выше примѣра, имѣетъ въ этой ассимиляціонной работѣ дѣятельность, между прочимъ, и податного инспектора. Я говорю здѣсь, «между прочимъ», потому, что это же значеніе въ ассимиляціонномъ вопросѣ края надо признать и за дѣятельностью судьи, суда, администраціи и учителя, съ тою лишь разницею, что ассимиляціонная дѣятельность податной инспекціи и администраціи носитъ активный, остальныхъ же пассивный характеръ, такъ какъ они могутъ ассимилировать лишь тѣхъ, кто къ нимъ самъ обращается. Мнѣ лично дѣятельность податного инспектора въ указанныхъ рамкахъ представлялась всегда особенно симпатичною. Своею обязанностью защищать мѣстное населеніе отъ гнета и произвола туземной администраціи податной инспекторъ до извѣстной степени всегда напоминалъ пресловутую благородную роль римскаго народнаго трибуна (*tribunus plebis*). Здѣсь я долженъ сдѣлать одну оговорку, въ высшей степени досадную для меня, для моего желанія пролить благодѣ

тельное вліяніе русскаго закона на интересы не большинства только, но на весь безъ исключенія сходъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что сходы въ по немъ безъ исключенія составъ утверждали только тѣ раскладки, которыя составлялись ими впервые и притомъ подѣ моимъ наблюденіемъ; когда же дѣло касалось обжалованныхъ, т. е. составленныхъ въ мое отсутствіе и не сходами, а старшиной раскладокъ, то вторичныя раскладки, составлявшіяся уже подѣ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, утверждались уже не всѣмъ сходомъ, но лишь тою родовой группой, которая изъ двухъ, входящихъ въ составъ даннаго аула и схода, численно была болѣе сильною. Такой исходъ представлялся, правда, законнымъ, но снѣ бытъ вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ присковъ и традиціонной вражды на почвѣ родовыхъ счетовъ, поддержка которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могла бы входить въ расчеты русскаго управленія туземнымъ населеніемъ. Правда, я всегда могъ опротестовать изъ такихъ раскладокъ неуравнительныя, но при большомъ числѣ аульных обществъ въ участкѣ (150), при обширности самого участка (весь уѣздъ) и ограниченности оклада разѣздныхъ (300 р. въ годъ), на многихъ ли сходахъ могъ я присутствовать и много ли раскладокъ опротестовать: подавляющее количество раскладокъ составлялось бы, внѣ моего контроля и протеста и помимо сходовъ, усмотрѣніемъ лишь аульных старшинъ и подѣ несомнѣннымъ вліяніемъ родовыхъ счетовъ, вредъ которыхъ матеріальный, а тѣмъ болѣе нравственный долженъ сказаться, конечно, не въ одномъ финансовомъ отношеніи, но (что, собственно

я и хочу оттъннить) и на всемъ частномъ и сфиціальномъ укладѣ киргизской жизни (супяжничество, происки на выборахъ и т. п.), такъ сказать вызывающемъ къ намъ о культурномъ воздѣйствіи и помощи. По нѣкоторой неприспособленности русскаго закона къ родовому быту киргизъ мнѣ приходилось быть огорченнымъ свидѣлемъ того, какъ туземная толпа номуадовъ, захваченная исторической инерціей родовой неприязни, варварски и вмѣстѣ съ наивнымъ невѣдѣніемъ карнала цѣлебное вліяніе на нее русскаго закона, всю трагикомичность чего я и пытаюсь здѣсь сфотографировать. Въ такихъ случаяхъ я довольствовался сознаніемъ, что торжествовавшей стороной была все же родовая группа болѣе сильная и притомъ противная старшинѣ и его партіи; такимъ образомъ я утѣшался хоть тѣмъ, что отстаивалъ отъ произвола старшины все же интересы хоть большинства. Поэтому все вышесказанное мною относительно обрусѣнія края не утрачиваетъ своего значенія: въ неурядицѣ родовыхъ счетовъ киргизъ обрусѣніе края наталкивалось на неожиданный тормазъ всему лишь болѣе полному и быстрому успѣху, почему я имѣю здѣсь поводъ только лишній разъ говорить о необходимости устраненія этого тормазъ въ столь важномъ для государства дѣлѣ.

Но возвращусь къ условіямъ и результатамъ дѣятельности на аульных сходахъ. Инструкція, которая опредѣляла бы работу податного инспектора на сходахъ—не было, такъ что приходилось дѣйствовать по обстоятельствамъ и указанію здраваго смысла. Пріѣзжаю на сходъ. Сторона, обжаловавшая податную раскладку,

заявляетъ мнѣ, что въ составѣ схода есть юртовладѣльцы изъ другого аула. Мнѣ указываютъ этихъ постороннихъ лицъ, но ни сами они, ни сторона, довольная раскладкой, не сознаются и отрицаютъ правильность показаній противниковъ. Пришлось для прекращенія спора и завязавшейся общей свалки обратиться къ раскладкѣ и поименно вызвать всѣхъ участниковъ схода. Такимъ образомъ было обнаружено въ составѣ данного схода семь постороннихъ, дѣйствительно, юртовладѣльцевъ, которые,

по признанію самого аульнаго старшины, были приглашены имъ же для того, чтобы обезпечить его партіи большинство голосовъ на сходѣ. Само собою разумѣется, что эти посторонніе юртовладѣльцы не были допущены къ участию на сходѣ, а о поступкѣ старшины было сообщено убѣдному начальнику. Итакъ, опытъ данного аульнаго схода показывалъ, что предварительный пріемъ выясненія личнаго состава схода, не лишній вообще, особенно цѣлесообразенъ, когда на сходѣ поднимается споръ о постороннихъ подставныхъ лицахъ. Такимъ образомъ, на посѣщенныхъ мной сходахъ, созванныхъ по поводу обжалованныхъ раскладокъ, мнѣ удалось подмѣтить указанный выше, очень характерный для родового быта нашихъ кочевниковъ и вообще своеобразный фактъ, именно: дѣленіе на стороны, довольную и недовольную раскладкой, обуславливалось не финансовыми соображеніями, а родовымъ антагонизмомъ, принадлежностью плательщиковъ къ той или другой родовой группѣ, и со стороны недовольныхъ раскладкой выступали не всѣ бѣдные и малосостоятельные юртовладѣльцы противъ всѣхъ уже состоятельныхъ и богатыхъ, какъ слѣдова-

ло бы ожидать, не въ полномъ составѣ одна родовая группа данного аула противъ всей же другой. Дѣло въ томъ, что посѣщенные мною сходы, созванные по поводу обжалованныхъ раскладокъ, состояли каждый изъ двухъ, именно, родовыхъ группъ, каждая группа заключала въ себѣ по 60, 70, 80 юртовладѣльцевъ, имѣвшихъ всѣ одно родовое названіе по имени родоначальника, какъ то — найманы, кипчаки, канглы, кирситы, багиши и т. п. Этимъ, именно и обуславливалось названное дѣленіе сторонъ на довольную и недовольную раскладкой. Но такое дѣленіе нельзя признать ни нормальнымъ, ни желательнымъ, во-первыхъ тутъ игнорировались единственно умѣстныя, именно финансовыя основанія дѣленія на стороны и раскладки составляютъ не только для бѣдныхъ и малосостоятельныхъ, во-вторыхъ, киргизы все болѣе и болѣе втягиваются во вкусъ родовой неурядицы, въ третьихъ болѣе слабыя численно родовыя группы, союденныя при составленіи раскладокъ должны видѣть все безсиліе русскаго закона справиться съ неурядицей родовыхъ киргизскихъ счетовъ и не имѣютъ, такимъ образомъ, побужденій становиться сознательными сторонниками русскаго режима т. е. ассимилироваться съ нами. А такъ какъ податному инспектору для противодействія вліянію родовыхъ счетовъ у киргизъ немыслимо ни объѣхать всѣ аульные сходы, ни опротестовать всѣ неуравнительныя раскладки, такъ какъ затѣмъ родовые счета вредно вліяютъ на киргизскую жизнь не въ одномъ только финансовомъ отношеніи, но и вообще (напр. морально), то необходимо изыскать прямыя мѣры, которыя могли бы парализовать это вліяніе родового быта въ цѣляхъ все

той же ассимиляции края.

Далѣе при посѣщеніи аульныхъ сходоу бросалось въ глаза еще то обстоятельство, что когда дѣло касалось пересмотра обжалованной раскладки, то аульный старшина всегда находилъ тотъ или иной предлогъ, по которому первичный сходъ не могъ состояться: то не успѣлъ всѣхъ извѣстить, и сходъ не заключалъ въ себѣ законной половины всего аула, то собранной оказывалась одна лишь довольная раскладкой сторона, принадлежавшая, обычно, къ партіи аульнаго старшины. Между тѣмъ чтобы прибыть на сходъ, приходилось проѣзжать по нѣсколькимъ десяткамъ верстъ. Но ничего не подѣлаешь: порочаешься не солоно хлебавши, принявъ, предварительно, всѣ мѣры къ тому, чтобы вторичный—и уже послѣдній по закону сходъ—могъ во всякомъ случаѣ состояться такъ, чтобы на немъ присутствовали всѣ недовольные раскладкой: о довольныхъ заботится не приходилось: они всегда были на лицо «въ полномъ сборѣ». Но даже и тогда, когда обѣ спорящія стороны въ полномъ составѣ собирались уже на вторичномъ сходѣ, дѣло не обходилось безъ тренія со стороны аульнаго старшины и иногда самаго вызывающаго свойства. Былъ помню такой случай въ № 4 аулѣ К. волости. Состоялся въ полномъ составѣ обѣихъ противныхъ сторонъ вторичный сходъ для разсмотрѣнія обжалованной раскладки. Аульный старшина со своей партіей оказался въ меньшинствѣ, противники же, недовольные раскладкой, въ большинствѣ. Яснымъ становилось, что обжалованная раскладка будетъ изменена и не въ пользу сторонниковъ аульнаго старшины. Тогда аульный

старшина, заявивъ, что онъ не желаетъ присутствовать на сходѣ, демонстративно удаляется со всей своей партіей, принадлежавшей къ иной родовой группѣ. Опять въ чисто финансовомъ вопросѣ все то же пресловутое вліяніе родовыхъ счетовъ!

Тотчасъ же по возвращеніи въ городъ я сообщилъ объ этой выходкѣ аульнаго уѣздному начальнику, и старшина былъ немедленно отрѣшенъ съ должности. Такая обстановка, въ которой мнѣ приходилось работать на сходахъ, созыавшихся для разсмотрѣнія обжалованныхъ раскладокъ и которая складывалась такъ неблагоприятно, такъ тормазно (о сходѣ, гдѣ было обнаружено семь постороннихъ подставныхъ лицъ я говорилъ выше) по милости все тѣхъ же родовыхъ счетовъ въ киргизскомъ быту. Несомнѣнно, впрочемъ, что здѣсь приходилось имѣть дѣло также съ развившейся уже инерціей, съ глубоко, за отсутствіемъ надлежащаго надзора, вкоренившейся привычкой туземной администраціи по своему усмотрѣнію вершать дѣла тамъ, гдѣ она по закону (ст. 101 и 293 положенія объ управленіи краемъ) должна присутствовать лишь для наблюденія за порядкомъ, отнюдь не вмѣшиваясь въ составленіе раскладки: иначе представлялось бы непонятнымъ, почему туземная администрація съ такимъ упорствомъ (подставныя лица на сходахъ, демонстративныя выходки) и съ такой систематичностью (вторичные по каждой раскладкѣ сходы) ставила препятствія моимъ усиліямъ дать дѣлу законное направленіе. Если бы обратиться теперь къ опыту лицъ и учреждений судебного вѣдомства, то и оттуда то же можно извлечь и немало, вѣроят-

но, фактовъ, когда киргизъ, давая показанія, обязательно свидѣтельствовалъ въ пользу своего родича, хотя бы тотъ былъ и неправъ, не задумываясь при этомъ даже принятіемъ ложной присяги,—и все это дѣлается подъ давленіемъ все тѣхъ же пресловутыхъ родовыхъ понятій.

Такимъ образомъ самъ собою, повторяю, выдвигается вопросъ о вредномъ вліяніи въ киргизскомъ быту родового строя и о необходимости мѣръ, которыя могли бы это вліяніе парализовать. Говоря далѣе объ этихъ, именно, мѣрахъ, и хотѣлъ бы, предварительно сослаться на свою практику въ смежномъ съ П. уѣздѣ, куда я былъ командированъ для исполненія обязанностей податного инспектора. Здѣсь при посѣщеніи мной сходо́въ, созванныхъ для составленія податныхъ раскладокъ, получались результаты, доставившіе мнѣ глубокое нравственное удовлетвореніе. Дѣло было на сходахъ К. волости. Рѣзкимъ отличіемъ этихъ сходо́въ отъ всѣхъ посѣщенныхъ мною до этого было число родовыхъ группъ, державшееся въ составѣ отдѣльныхъ сходо́въ на цифрахъ 7—8. Другимъ выгоднымъ отличіемъ этихъ сходо́въ былъ царившій на нихъ образцовый порядокъ. Выборные, составивъ раскладки, прочитывали ихъ сходомъ, которые, при полномъ отсутствіи протестовъ, единогласно ихъ утверждали. Результаты этихъ раскладокъ

были такіе: встрѣчались оклады для отдѣльныхъ плательщиковъ въ 50, 75 и 100 руб., немало было ихъ и въ 50 коп., а бѣдные такъ совершенно освобождались отъ уплаты податей. По сравненію съ этими результатами ничего даже приблизительно подобнаго не было въ раскладкахъ

всѣхъ посѣщенныхъ мною до этого сходо́въ, гдѣ обычный окладъ плательщиковъ, вращаясь около 6, 7—10 руб. рѣдко-рѣдко доходилъ до 25 руб. Чѣмъ объясняется такая рѣзкая разница? Единственнымъ измѣнившимся въ условіяхъ новыхъ сходо́въ признакомъ, который могъ бы повлечь за собою такую разницу отдѣльныхъ окладовъ, было число родовыхъ группъ возросшее въ составѣ этихъ сходо́въ съ 2 до 7—8. На долю этого, именно, увеличенія число родовыхъ группъ въ аулахъ и надо, по методу сопоставляющихъ измѣненій, отнести объясненіе рѣзкой разницы въ результатахъ прежнихъ и новыхъ раскладокъ. Этотъ выводъ вѣрный теоретически, совпадаетъ и съ результатами моего опыта, формулируемаго такъ: родовое начало проявляется на аульных сходахъ естественнo тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше родовыхъ группъ входитъ въ составъ даннаго аула и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше этихъ группъ въ составѣ даннаго аула. Такимъ образомъ аульныя общества съ возможно большимъ числомъ входящихъ въ нихъ отдѣльныхъ родовыхъ группъ и представлялись бы, по указаніямъ опыта, тою искомою мѣрою, которая и могла бы парализовать вредное въ киргизскомъ быту вліяніе родового начала. По образцу этихъ существующихъ теперь ауловъ и надо было бы, слѣдовательно, перестроить всѣ другіе аулы, особенно же тѣ многіе, по моимъ наблюденіямъ, общества, въ составъ которыхъ входитъ только по двѣ родовыхъ группы. По этому поводу мнѣ вспоминаются извѣстныя въ исторіи Греціи реформы Клизена, сломившаго вліяніе эвпатридовъ въ ихъ родовыхъ собраніяхъ (по филамъ, фратріямъ и родамъ) территориальнымъ началомъ, дѣленіемъ народа на

демы (мѣстные округа), состоявшіе не изъ родственниковъ, а изъ случайныхъ сосѣдей. Этими демами и собирались греки со времени Клисѣена, а не родовыми группами, какъ было до него, для рѣшенія общихъ дѣлъ. Припомнимъ еще здѣсь, что Іоаннъ III, напимѣръ, послѣ покоренія Новгорода, не задумываясь, цѣлыми тысячами переселялъ семейства новгородцевъ въ московскіе города; киргизы же оставались-бы, конечно, на своей территоріи и лишь только крупныя родовыя группы ихъ, для общей ихъ и нашей пользы были бы болѣе равномерно перетасованы и распределены между отдѣльными аулами. Возлагать какія либо упованія въ этомъ отношеніи на замѣчающійся теперь переходъ киргизъ къ осѣдлому состоянію едва ли можно, особенно, если осѣданіе это будетъ происходить прежнимъ, нетронутымъ родовымъ составомъ ауловъ, такъ какъ и тогда, т. е. въ осѣдломъ состояніи болѣе сильныя родовыя группы будутъ въ составѣ отдѣльных ауловъ попрежнему преобладать надъ болѣе слабыми, и родовая неурядица нисколько не угаснетъ. Поэтому если и ссылаться на переходъ киргизъ къ осѣдлому быту, то этимъ переходомъ и слѣдовало бы воспользоваться для размѣщенія киргизъ на осѣдломъ жилиществѣ такъ, чтобы всѣ селенія ихъ потомъ оказались съ большимъ числомъ входящихъ въ нихъ родовыхъ группъ. Мѣра эта могла бы представляться слишкомъ радикальною, а можетъ быть даже и опасною, но разъ поставленъ извѣстный вопросъ, то ради, такъ сказать, исчерпанія темы позволительно говорить и о крайнихъ мѣрахъ. Я хотѣлъ бы, поэтому, добавить здѣсь, что, парализовавъ вредное въ киргизскомъ быту вліяніе

родового начала, мѣра эта тѣмъ самымъ приблизила бы киргизскую жизнь къ быту нашихъ русскихъ поселеній, сдѣлала бы ее, поэтому, вообще болѣе доступною русскому вліянію и являлась бы, такимъ образомъ, цѣлесообразною въ цѣляхъ ассимиляціи. Пора тысячелѣтней Россіи оставить въ XX вѣкѣ робкую политику невмѣшательства, такъ легко смѣшиваемую съ тактикой нашихъ «авось, да какъ нибудь» и съ энергіей, знаніемъ и увѣренностью современной цивилизаціи дѣятельно позаботиться о культурной гармоніи и нивелировкѣ народностей, въ нее входящихъ, покончивъ здѣсь, такъ сказать, въ лицѣ родового быта киргизъ съ вообще рѣдкимъ историческимъ пережиткомъ. Впрочемъ, избѣгая слишкомъ крутыхъ и погону неосуществимыхъ мѣропріятій, можно было бы уравнивать въ аулахъ съ двумя родовыми группами число членовъ послѣднихъ, перечисляя въ другіе аулы лишь излишнихъ членъ въ большей группы. Тогда необходимымъ представлялось бы ввести относительно кочевого населенія края статью закона, по которой всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію схода, рѣшались бы таковымъ въ составѣ $\frac{2}{3}$, во всякомъ случаѣ болѣе $\frac{1}{2}$ всего аула: Это во избѣжаніе комбинаціи, когда въ названной половинѣ цѣликомъ могла бы оказаться только одна изъ двухъ родовыхъ группъ аула.

Можно бы, впрочемъ, обойтись и безъ перечисленій въ другіе аулы (на жилищество) даже излишнихъ членовъ одной группы аула по сравненію съ другой: для этого, оставивъ киргизъ жить на прежнихъ мѣстахъ въ неприкосновенномъ составѣ ихъ родовыхъ группъ, можно сильныя родовыя

группы: (двѣ въ одномъ аулѣ) расчленили между другими аулами специально только для сходовъ, замѣщая неречисленныхъ въ данномъ аулѣ представителями другихъ группъ. Эта мѣра, думаю, не повлекла бы за собой, большихъ практическихъ неудобствъ, такъ какъ на какой-нибудь той (пирושка) киргизъ ѣдетъ не взирая на разстояніе, тѣмъ болѣе могъ бы прѣѣхать и на сходъ, созываемый къ тому же и не такъ уже часто. Оповѣстить же о сходѣ ихъ было тоже не трудно, имѣя въ виду, что вообще вѣсти распространяются среди киргизъ съ телеграфической скоростью. Не посягая, впрочемъ, и на родовой составъ ауловъ и не затѣвая ни въ какой мѣрѣ перетасовки ихъ, можно собирать на сходы родовыя группы даннаго аула каждую отдѣльно: каждая такая группа въ данномъ аулѣ, отчисливъ изъ общей цифры окладного листа на свою долю надлежащую по числу кибитокъ сумму кибиточной подати съ причитающимися пропорціонально другими категориями сборовъ, вершала бы податную раскладку отдѣльно отъ другой группы, и затѣмъ изъ этихъ групповыхъ раскладокъ простымъ суммированіемъ ихъ составлялась бы общая по всему аулу. Но это было бы возможно только развѣ въ финансовомъ отношеніи, тогда какъ здѣсь рѣчь идетъ объ искорененіи родового начала у киргизъ, вредно вліяющаго на весь вообще какъ частный, такъ и официальный укладъ ихъ жизни. Такимъ образомъ приходится сказать, что въ положеніи объ управленіи краемъ пробѣломъ представляется отсутствіе статей, регулирующихъ родовой укладъ жизни киргизъ, который именно своей не предусмотрѣнностью, а потому и не

ограниченностью своихъ проявленій причиняетъ не мало хлопотъ какъ податной инспекціи, такъ администраціи и судебному вѣдомству.

Весьма охотно соглашусь, что всѣ проектированныя мною мѣры, которыми можно было-бы парализовать вредное въ киргизскомъ быту вліяніе ихъ родового строя, непрактичны и потому несуществимы: въ вопросахъ имѣющихъ, можетъ быть, только скудную литературу, мало обследованныхъ, гдѣ приходится, поэтому, дѣлать далеко не послѣдніе шаги, трудно ихъ дѣлать твердо, авторитетно и съ должной цѣлесообразностью; поэтому я хотѣлъ бы въ этомъ отношеніи лишь подѣлиться на страницахъ печати своими усиленными наблюденіями и соображеніями, направленными, какъ я о томъ мечталъ, на интересы русскаго дѣла въ краѣ. Но что касается самой возможности, умѣстности вопроса о вредномъ вліяніи родового строя киргизъ на ихъ бытъ, что касается затѣмъ не необходимости изысканія тѣхъ или другихъ мѣръ, чтобы парализовать это вліяніе, въ томъ, я надѣюсь, не ошибаюсь. Пріятно было бы не ошибиться также и въ томъ, нѣкогда такъ воодушевлявшемъ меня на дѣло утвержденіи, что дѣятельность податной инспекціи, даже какъ чисто-финансоваго органа, все же можетъ и должна въ мѣстныхъ рамкахъ имѣть для государства чисто-культурное значеніе: дѣятельно развѣзжая по аульнымъ и сельскимъ сходкамъ для наблюденія за составленіемъ податныхъ раскладокъ, для ревизіи податныхъ счетоводствъ и расъ и, охраняя, такимъ образомъ, туземное населеніе отъ незаконныхъ посягательствъ туземной администраціи, податная инспекція тѣмъ самымъ проводить въ

туземную жизнь благотворительное влияние русского закона, и вызывая этим, как мы и видели, сочувствие и одобрение туземцев, вербует, таким образом, в их рядах систематически возрастающий контингент сознательных сторонников русского режима, подготавливая на этой почве много общающее гражданское слияние туземцев с коренными подданными Блага Царя.

А. Подварновъ.

Совѣщанія по опытному сельско-хозяйственному дѣлу и орошенію земель въ Туркестанѣ.

Въ управленіи земледѣлія Турк. края 24 и 26 сентября происходили совѣщанія по ирригации и опытному дѣлу въ Туркестанѣ подъ предѣдательствомъ князя Массальскаго, на которыхъ были приняты важныя для будущаго развитія края рѣшенія. Велѣды признаніемъ недостаточности и неудовлетворительности существующихъ опытныхъ учреждений по сельскому хозяйству въ Евр. Россіи и Туркестанѣ, Главн. Управленіе Земледѣлія рѣшило въ крѣпѣ реформировать опытное дѣло въ Россіи, и еще въ прошломъ году созвало съѣздъ ѣзгелей по сельскому хозяйству въ Петербургѣ для выработки проекта новаго положенія объ опытныхъ учрежденіяхъ; результатомъ этого съѣзда было то, что опытное дѣло рѣшено поставить въ будущемъ на широкую, чисто американскую ногу (по проекту агронома Винера) съ отпускомъ

на каждую районную станцію болѣе 40,000 руб. ежегодно и пр.

До Туркестана очередь дошла только въ этомъ году и князю Массальскому было поручено на мѣстѣ разъяснить нужды и недостатки опытныхъ учреждений, а также потребность въ созданіи новыхъ опытныхъ полей и станцій. Совѣщаніе на которое присутствовали почти все специалисты по опыт. дѣлу въ Туркестанѣ, чиновники по с.-хоз. части, нѣкоторые уѣздные начальники и другіе мѣстные дѣятели, подробно останавливались на особенно-

стихъ cadaго естественно-историческаго района Туркестана и потребностяхъ его въ созданіи того или иного типа сельско-хозяйств. опыти. учреждений. Въ результатъ совѣщаніе высказалось за созданіе слѣдующихъ опытныхъ учреждений въ край:

1) Двухъ общихъ опытно научныхъ сельско-хоз. станцій—въ Ташкентскомъ районѣ (преобразуется Туркестанская станція) и въ Вѣрненскомъ;

2) Одной специальной хлопковой станціи въ Андижанѣ (преобразуется существующее оп. поле);

3) Одной помолодической — садоводственной станціи въ Ташкентскомъ районѣ (Кауфманская ст. или Капланбекъ);

4) Одной шелководственной—въ Ферганѣ;

5) Преобразованнаго и расширеннаго (лабораторіей, персоналомъ и средствами) опытнаго поля въ Голодной степи, долженствующаго сосредоточиться, помимо хлопководства, еще на изученіи со-